

Г. Зобин

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина
Страницы жизни

Детство. 1799–1811	1
Лицей. 1811–1817	4
Петербург. 1817–1820	8
Южная ссылка. 1820–1824.....	13
Михайловское. 1824–1826	18
Москва и Петербург. 1826–1828	22
Путешествие в Арзрум. 1829.....	26
Болдинская осень. 1830.....	28
Женитьба. 1831	31
Новая жизнь. 1832	32
«История Пугачева». 1833	33
В придворном плену. 1834.....	36
Последние годы. 1835–1836	38
Дуэль. Смерть Поэта. 1837	43

Детство. 1799–1811

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 — в день Вознесения Господня.

Род Пушкина со стороны отца принадлежал к одной из древнейших русских аристократических фамилий, упоминание о которой встречается еще в летописях XIII столетия.

Родословная матери Пушкина не менее достойна. Дедом «прекрасной креолки» (так называли Надежду Осиповну в свете) был знаменитый «царский арап» — Абрам Петрович Ганнибал. Родился он в семье владетельного абиссинского князя на территории современной Эритреи. Ибрагим, как младшего сына князя, отдали в качестве заложника в Константинополь, во дворец султана. В 1706 русский посланник выкупил восьмилетнего Ибрагима и отправил в дар Петру I. В 1707 арапчонка крестили, а царь стал ему крестным отцом. Мальчик получил имя Абрам и отчество — по царственному приемнику — Петрович. Позднее он взял себе и фамилию Ганнибал, так как, по древнему семейному преданию (впрочем, сомнительной достоверности), его род происходил от прославленного карфагенского полководца. Образование Ганнибал получил во Франции. Затем Петр I определил его инженер-поручиком в бомбардирскую роту Преображенского полка. Завершил карьеру Ганнибал в звании генерал-аншефа. Вторым браком Ганнибал был женат на Христине фон Шеберх, которая родила ему одиннадцать детей. Среди них — Иван Абрамович Ганнибал, знаменитый герой Чесменской и Наваринской битв, основатель Херсона, и Осип Абрамович, в 1713 женившийся на Марии Алексеевне

Пушкиной, племяннице Л.А. Пушкина — деда поэта по отцовской линии. От этого брака родилась Надежда Осиповна Ганнибал, в 1796 вышедшая замуж за Сергея Львовича Пушкина. В 1797 у них рождается дочь Ольга Сергеевна, а в 1799 семья переезжает из Петербурга в Москву, где и суждено было появиться на свет будущему поэту.

Родился Пушкин на Немецкой улице, в доме, принадлежавшем коллежскому регистратору Скворцову, у которого квартировали родители поэта. Дом этот не сохранился. На его месте находится здание школы с мемориальной доской: «Здесь был дом, где 26 мая (6 июня) 1799 года родился А.С. Пушкин». Перед школой в 1967 установлен бюст юного Пушкина работы скульптора Е. Белашовой. Крестили Александра Сергеевича в церкви Богоявления в Елохове, построенной в XVIII в. В 1837 — в год гибели Пушкина — церковь разобрали. В 1839 храм был восстановлен (ныне это Патриарший Богоявленский собор). Крещение совершилось 27 мая (8 июня) 1799. В метрической книге церкви сохранилась запись: «Мая 27. Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скворцова у жильца его Мозора Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8 дня».

Немецкая слобода на окраине Москвы еще в царствование Ивана Грозного заселялась приезжими иностранцами, которых московский люд, вне зависимости от их происхождения, всех именовал «немцами», откуда слобода и получила название. Со времен Петра I, несмотря на удаленность от центра города, ее облюбовала московская знать. В допожарной Москве Немецкая слобода была одним из самых модных аристократических районов. Ее любили за тишину и благоустроенность, небольшие дома, утопающие в зелени садов, полудеревенский уклад. Сюда, по словам историка Москвы Н. Бочарова, стекалось все интеллигентное, знатное и богатое».

Осенью 1799 семейство Пушкиных выехало из Москвы сначала в село Михайловское Псковской губернии, пожалованное в 1742 императрицей Елизаветой прадеду поэта, Абраму Ганнибалу, затем в 1800 — в Петербург. Но уже в начале 1801 семья вновь переехала в Москву и поселилась в Огородной слободе — в окрестностях Чистых прудов. Раннее детство поэта и его первые московские впечатления неразрывно связаны с этим уголком старой столицы. Впоследствии Пушкин воссоздаст их в VII главе «Евгения Онегина». Здесь, «у Харитонья в переулке», он поселит приехавшую в Москву Татьяну.

По обыкновению московского дворянства тех лет Пушкины часто переезжали от одного домовладельца к другому. Первым домом, где поселились Пушкины, стал дом подпоручика Волкова на углу Большого Харитоньевского переулка и Чистопрудного бульвара. Здесь 26 марта 1801 родился третий ребенок Пушкиных — сын Николай, умерший во младенчестве в 1807.

В 1802 семейство Пушкиных переехало в находящийся поблизости дом князя Н. Юсупова. Дом сохранился и сегодня. Эти каменные двухэтажные палаты XVII века — замечательный памятник московского барокко с характерным для этого стиля обилием декоративных деталей, наружной лестницей, ведущей на второй этаж, и т. п. Напротив дома находился роскошный Юсупов сад с беседками, мраморными статуями, прудом, фонтаном. Такие сады были не редкостью в тогдашней Москве. Многие московские вельможи заводили сады с диковинными тропическими растениями и экзотическими птицами.

Маленький Пушкин часто гулял с няней в Юсуповом саду. Детские воспоминания впоследствии найдут свое отражение и в «Руслане и Людмиле», и во многих других произведениях

В 1803 семья переезжает в дом графа Санти, также находившийся по соседству, в Большом Харитоньевском. В 1807 Пушкины поселились у князя Одоевского, отца писателя В.Ф. Одоевского, на углу Малого Козловского и Фурманного переулков. Дом не сохранился. Другие московские адреса Пушкиных неизвестны

В Огородной слободе в 1800 поселилась и бабушка поэта с материнской стороны М.А. Ганнибал, которая затем переехала к Пушкиным. Ребенком Александр Сергеевич любил залезать в рабочую корзинку бабушки, смотреть на ее рукоделие и слушать рассказы о старине, о Петре I, о царском арапе Ганнибале — семейные предания, которых Мария Алексеевна помнила множество.

Это была мудрая и добрая женщина. Она прекрасно говорила и писала по-русски. Ее письма Пушкину в Лицей восхищали Дельвига. Бабушка стала для поэта первым учителем русского языка, она выучила его чтению и письму.

Не меньшее влияние на Пушкина в годы его детства оказала няня Арина Родионовна. Слушая ее, мальчик воспринимал богатство устной народной речи с ее бесчисленными пословицами и поговорками, приобщался к поэтической красоте сказок.

В 1806 Мария Алексеевна приобрела под Москвой село Захарово, и до 1810 каждое лето семья Пушкиных проводила там. К усадьбе примыкала березовая роща, где маленький Пушкин любил гулять и воображал себя сказочным богатырем. Неподалеку был пруд и еловый лес. В Захарове поэт впервые соприкоснулся с крестьянским бытом, здесь он любил наблюдать за народными обрядами, слушать песни и поверья, участвовать в праздниках и хороводах.

В Захарове не было церкви, и Пушкины ездили к службе в соседнее село Большие Вяземы. Село это в конце XVII в. было подарено Петром I своему другу и воспитателю князю Б.А. Голицыну и с тех пор стало голицынским наследственным владением. В детские годы Пушкина хозяином Больших Вязем был князь Борис Владимирович Голицын — человек блестяще образованный, тонкий знаток и ценитель изящных искусств, обладатель прекрасной библиотеки. По всей вероятности, Пушкины, также принадлежавшие к кругу просвещенного московского дворянства, хорошо знали Голицына и бывали у него в усадьбе в гостях. Этот дом, построенный в классическом стиле, можно видеть и в наши дни. В Больших Вяземах сохранилась церковь, куда ходили Пушкины. Прекрасный образец древнерусской архитектуры со свойственной ей величественной и строгой простотой, каменная двухъярусная церковь с оригинальной колокольной была построена здесь еще по приказу царя Бориса Годунова. Захаровские окрестности не раз появятся в произведениях Пушкина: и в «Борисе Годунове», и в «Барышне-крестьянке».

Образование Пушкина началось очень рано. Уже в детские годы Пушкин превосходно говорил, читал и писал по-французски, поскольку этот язык господствовал в доме его родителей. Тогда же он выучил и итальянский, на котором отлично говорили его отец и дядя, В.Л. Пушкин. С семи лет Пушкина обучали домашние учителя и гувернеры. Русскому языку, Закону Божию и арифметике его учил священник Мариинского института, выпускник московской Славяно-греко-латинской академии Александр Иванович Беликов — известный проповедник, высокообразованный человек, владевший латинским, французским и немецким языками. Среди других учителей Пушкина, которые часто менялись, отчего домашнее обучение шло довольно беспорядочно, известны имена французского эмигранта графа Монфора, музыканта и живописца, швейцарца Русло, француза Шеделя, гувернанток Лорж и Белли, немца по фамилии Шиллер. Но гораздо больше, чем уроки, дало Пушкину самостоятельное чтение книг.

У Сергея Львовича была прекрасная библиотека, состоявшая в основном из французских изданий XVII и XVIII вв. Пушкин с малых лет забирался в отцовскую библиотеку и читал одну книгу за другой. «Чтение — вот лучшее учение», — скажет он впоследствии. Ему не было и десяти лет, когда он прочел «Илиаду» и «Одиссею» во французском переводе, всего Плутарха, а также лучших драматургов Франции — Корнеля, Расина, Мольера. Чтение побудило Пушкина к собственным литературным опытам. Первые его драматические упражнения на французском языке относятся к семилетнему возрасту. Это басни и несколько маленьких комедий, в частности «Escamoteur» («Похититель»), которую Пушкин разыграл перед сестрой Ольгой и был ею освистан, после чего сам на себя написал эпиграмму. В десять лет под влиянием «Генриады» Вольтера Пушкин

сочинил героико-комическую поэму под названием «Toliade» — о войне карликов, которую, оскорбленный насмешками своего губернатора, бросил в печь. Ни одно из детских произведений Пушкина, кроме эпиграммы на «Похитителя», до нас не дошло.

Огромную роль в формировании юного поэта сыграла и та среда, к которой принадлежали его родители, чей гостеприимный дом считался одним из излюбленных мест собраний лучших московских писателей. Здесь по вечерам не умолкало чтение стихов и художественная декламация, непревзойденным мастером которой был дядя Пушкина Василий Львович, один из самых известных литераторов начала века, знаток пяти иностранных языков. Именно он руководил первыми поэтическими опытами племянника.

Жил Василий Львович неподалеку от брата, в Малом Харитоньевском переулке. Рядом, в Большом Козловском переулке, в деревянном домике с садом жил поэт и баснописец Иван Иванович Дмитриев. Он был одним из постоянных и самых дорогих гостей в доме Пушкиных. Сохранился рассказ о том, как однажды, взглянув на маленького Сашу, Дмитриев сказал «Посмотрите, ведь это настоящий арапчик», — на что будущий поэт мгновенно ответил: «Зато не рябчик» (вследствие оспы Дмитриев был рябым).

Из других домов, где в детские годы бывал поэт, особое значение для него имел дом Бутурлиных. Глава семьи, граф Бутурлин, один из образованнейших людей того времени, страстный библиофил, обладал лучшей библиотекой Москвы (эта замечательная книжная коллекция сгорела в 1812). Юный Пушкин проводил немало времени в библиотеке Бутурлина, а губернатору детей графа, французу Жилле, принадлежат провидческие слова о поэте: «Дай Бог, чтобы этот ребенок жил и жил, вы увидите, что из него будет».

Лицей. 1811–1817

Летом 1811 дядя Пушкина Василий Львович привез своего племянника в Петербург для определения его в только что основанный Императорский Царскосельский Лицей.

Выбор этого учебного заведения, хотя в те годы существовали и другие, не менее знаменитые, учрежденные гораздо раньше, был не случаен. Своими профессорами и знаниями выпускников славился благородный пансион при Московском университете. В Петербурге же с 1803 открылся и действовал Благородный иезуитский институт, где все дисциплины, кроме Закона Божиего, преподавали отцы иезуиты — одни из лучших учителей в Европе, а также частный пансион, учрежденный аббатом Никодемом, в котором обучались потомки самых славных аристократических семейств. Пансион этот был наиболее знаменит в свете, и поначалу родители Пушкина намеревались отдать старшего сына именно туда. Но 12 августа 1810 император Александр I постановил основать в Царском Селе, летней резиденции государя, новое учебное заведение — Лицей.

В разработке концепции и устава Лицея принял участие «отец» тогдашних реформ — М.М. Сперанский. Цель, с которой учреждался Лицей, была указана в постановлении: «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Другими словами, речь шла о создании новой российской элиты.

Лицей стал детищем «дней alexандровых прекрасного начала» — периода реформ. Директор Лицея, статский советник В.Ф. Малиновский, доводился родным братом А.Ф. Малиновскому, управляющему Московским Архивом иностранных дел, старинному приятелю семейства Пушкиных. Все это не могло не оказать влияния на выбор Сергея Львовича и Надежды Осиповны в пользу Лицея.

Поступить в Лицей было нелегко: из многих детей знатных фамилий эту возможность предоставили только 38 мальчикам. В список допущенных к экзамену Василию Львовичу удалось включить племянника лишь благодаря протекции. Экзамен состоялся 12 августа 1811. 30 мальчиков, в том числе и Пушкин, были приняты.

19 октября состоялось торжественное открытие Лицея. В жизни Пушкина это памятное событие нашло отражение во многих его произведениях. На открытии присутствовали почти все члены царской семьи, двор и высшие чины государства. В придворной

царскосельской церкви Знамения Божией Матери отслужили литургию. Затем в зале Лицея на торжественном заседании вслед за директором выступили несколько профессоров, в том числе и будущий всеобщий любимец А.П. Куницын

Куницын читал в Лицее курс естественного права — предмет, посвященный правам человеческой личности, преподавание которого было данью либеральным реформам. Лицей был единственным в то время учебным заведением, где телесные наказания запрещались Уставом. В среде воспитанников царили дух независимости, высокое чувство собственного достоинства и товарищества, незыблемые понятия чести, уважение к другому, презрение к раболепию и низкопоклонству ради карьеры. Большинство лицеистов сохранили этот дух на всю жизнь.

Среди лицейских профессоров было немало замечательных людей. Так, курс русской словесности и церковнославянского языка читал Н.Ф. Кошанский. Он нередко давал ученикам задания по практическому стихосложению, в выполнении которых Пушкин всегда первенствовал. Однажды Кошанский попросил лицеистов написать стихи о розе. Все пришли в затруднение, а Пушкин мгновение спустя прочел два четверостишия, которые вызвали общий восторг. Видя способности своего гениального воспитанника, Кошанский требовал от него серьезной работы над стихом. В 1815 Пушкин адресует ему стихотворение «Моему Аристарху».

Значительное влияние на лицеистов оказали и профессора иностранных языков. Например, преподаватель немецкого Ф.М. фон Гауеншильд, который после смерти В.Ф. Малиновского с 1814 по 1816 исполнял обязанности директора Лицея. Он перевел на немецкий язык первые шесть томов «Истории государства Российского Н.М. Карамзина».

Не менее интересен был профессор французского языка Д.И. де Будри, необычайно остроумный, живой и веселый человек. Он был родным братом легендарного Марата и, с разрешения Екатерины II, сменил фамилию, навсегда оставшись в России. Будри рассказывал лицеистам немало историй, связанных с его братом. Кроме того, вместе с воспитанниками он переводил на французский язык «Недоросля» Фонвизина.

Лицей представлял собою поистине гениальный педагогический эксперимент, яркий пример того, насколько важен для раскрытия человеческих дарований дух свободы и уважения к личности. Многие из его воспитанников первого выпуска стали выдающимися людьми в самых различных областях. Кроме Пушкина, в историю русской словесности вошли два его лицейских друга — А. Дельвиг и В. Кюхельбекер. Вместе с ними на одном курсе учились будущий прославленный русский дипломат А. Горчаков, Ф. Матюшкин, впоследствии адмирал, участник знаменитого кругосветного путешествия на корабле «Камчатка», С. Броглио, будущий пэр Франции (по некоторым сведениям, Броглио погиб в войне за свободу Греции в 1829), И. Пущин, декабрист, один из лучших друзей Пушкина, автор прекрасных воспоминаний о нем, а также рано умерший талантливый музыкант Н. Корсаков.

Своим выпускникам Лицей давал те же права, что и университет. Особое место в Лицее уделялось гуманитарным дисциплинам — истории, географии, философии, праву, риторике, словесности и языкам (воспитанники должны были разговаривать между собой на французском и немецком каждый день). Преподавались также физика и математика, которую вел профессор Я.И. Карцов. Известно его доброе и снисходительное отношение к Пушкину, не блиставшему математическими способностями. Однажды после неудачного ответа Пушкина по алгебре Карцов сказал фразу, ставшую позже знаменитой: «Садитесь на свое место и пишите стихи».

Не было забыто и физическое развитие юных лицеистов. Их обучали танцам, фехтованию, верховой езде и плаванию. В спортивных упражнениях Пушкин всегда стремился быть первым, преодолевая свою неловкость. Удачно брошенный мяч, умение быстро бегать и хорошо прыгать значили тогда для его самолюбия гораздо больше, чем успехи в учебе. Он и впоследствии придавал телесным упражнениям огромное значение.

Лицей находился под особым попечением императора. Александр I подарил ему свою личную библиотеку, новому учебному заведению был выделен флигель Екатерининского дворца в летней императорской резиденции в Царском Селе.

Здания дворца, построенные К. Растрелли еще при Елизавете Петровне в 1744, и прилегающие сады и парки составляли органическое единство. Здесь сочетались два типа садово-паркового искусства голландского сада с его уютным замкнутым пространством и романтического (или пейзажного) английского парка. С окрестностями дворца связаны образы лицейской лирики Пушкина, самый ее настрой, а также воспоминания более поздних лет.

Наступили грозные события 1812 года. Мимо Лицея на войну с Наполеоном шли гвардейские полки, в рядах которых лицеисты нередко узнавали своих родных и знакомых.

Многие будущие старшие друзья Пушкина также принимали участие в походах и военных действиях русской армии против неприятеля. Так, юный поэт вряд ли знал, что в Семеновском полку проходит человек, впоследствии оказавший огромное влияние как на него самого, так и на всю русскую мысль XIX и XX столетий, — П.Я. Чаадаев. Участвовали в войне и В.А. Жуковский, и П.А. Вяземский.

Лицеисты с волнением слушали реляции, которые им читал в зале профессор Кошанский, ждали газет с новыми сообщениями. Война изменила ход истории и облик мира и России. Тема 1812 года, как и тема личности Наполеона, наряду с лицейской темой, пройдут через все пушкинское творчество.

События тех лет и атмосфера лицейской жизни во многом способствовали раннему пробуждению поэтического дара Пушкина. С 1813 по 1817 он создал более ста стихотворений и, по некоторым сведениям, начал писать первые песни «Руслана и Людмилы» (строки из этой поэмы были написаны на стене карцера, где Пушкин отбывал наказания).

В лицейские годы появилась и первая публикация Пушкина. В 1814 в лучшем литературном журнале того времени «Вестник Европы», основанном в 1802 Н.М. Карамзиным в Москве, в июльском номере напечатано пушкинское стихотворение «К другу стихотворцу», обращенное к одному из его самых дорогих лицейских друзей — Дельвигу.

После открытия Лицея в нем образовался литературный кружок, главная роль в котором принадлежала Пушкину. Участниками кружка были А. Дельвиг, В. Кюхельбекер, А. Горчаков, А. Илличевский, Н. Корсаков, М. Яковлев и другие. Кружок выпускал рукописные иллюстрированные журналы «Лицейский мудрец», «Неопытное перо» и «Пловец».

В те годы творчество Пушкина находилось под влиянием одного из величайших современников юного поэта Г.Р. Державина. Свидетельство тому — знаменитое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», которое Пушкин читал перед Державиным, посетившим Лицей 8 января 1815, во время переводного экзамена.

Сам Пушкин вспоминает об этой встрече так:

«Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил: он сидел подперши голову рукою; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в Русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Наконец вызвали меня. Я прочел мои “Воспоминания в Ц. С.”, стоя в двух шагах от Державина. Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении он меня требовал, хотел меня обнять...»

«Воспоминания в Царском Селе» стали первым стихотворением, принесшим Пушкину известность. Вскоре на званом обеде у тогдашнего министра народного просвещения А.К. Разумовского зашел разговор о юном поэте, которому все предрекали славу. Обратившись к Сергею Львовичу (Пушкины к тому времени переселились из Москвы

в Петербург), Разумовский сказал: «Я бы желал однако ж образовать сына вашего к прозе», на что присутствовавший там Державин с жаром возразил «Оставьте его поэтом».

Получив в письме от племянника «Воспоминания в Царском Селе», В.Л. Пушкин показал стихотворение В.А. Жуковскому, в то время уже знаменитому поэту. Стихи юного Пушкина привели его в восторг.

Этим же летом 1815, после того как по приглашению императрицы Жуковский переехал в Петербург, началась их дружба с Пушкиным-лицеистом, несмотря на 16 лет разницы в возрасте, бесконечно глубокая и нежная. Пушкин впоследствии называл его своим ангелом-хранителем.

В марте 1816 Пушкина навещил в Лицее его дядюшка Василий Львович вместе с П.А. Вяземским и Н.М. Карамзиным. «Последнего летописца и первого историка» поэт встречал еще в детские годы в Москве, когда тот бывал в доме его родителей. Карамзин поселяется в Царском Селе, пользуясь особым благорасположением императора, и работает над «Историей государства Российского» — произведением, во многом изменившим мировоззрение мыслящих людей начала XIX столетия и оказавшим огромное влияние на все последующее развитие русской культуры. В феврале 1816 вышли восемь томов его «Истории».

Пушкин становится частым гостем в доме великого писателя, слушает новые главы его сочинения. Здесь он испытает трогательное чувство влюбленности к жене хозяина — Е.А. Карамзиной, женщине более чем вдвое старше его. Поэт вспомнит о ней и в последние часы своей жизни.

В Лицее юный Пушкин впервые переживает и чувство неразделенной любви. Среди тех, в кого он был влюблен в те годы, наиболее известны Н.В. Кочубей и сестра его лицейского товарища Е.П. Бакунина. Катенька Бакунина тронула сердце не одного только Пушкина.

Как свидетельствует в своих воспоминаниях один из соучеников поэта, «прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи». Пушкин посвятил Бакуниной целый ряд стихотворений 1815–1816. К воспоминаниям о своей первой лицейской любви поэт еще не раз возвращался — в стихотворении «К ней» (1818) и «19 октября» (1825), а также в черновых строфах «Евгения Онегина».

Шалости и молодечество были неотъемлемой частью жизни лицеистов. Нередко они лазили через забор в сад, принадлежащий царю, и воровали яблоки (при этом однажды лицеисты даже поколотили застигших их на месте преступления сторожей).

Но самой знаменитой шалостью лицеистов, которая не обошлась без последствий для некоторых из них, в том числе и для Пушкина, была «студенческая пирушка» 1816. Достав с помощью лицейского дядьки Фомы бутылку рома, яиц и сахару, Пушкин, Малиновский и Пущин приготовили пунш. В пирушке приняли участие и другие лицеисты, но вскоре из-за пьяной оплошности одного из них, Тыркова, все были пойманы с поличным инспектором Лицея подполковником С. Фроловым. Дядьке Фоме это стоило места.

Зачинщики шалости подверглись различным взысканиям, их фамилии записали в «черную книгу», что должно было иметь последствия при выпуске. Но, к счастью, этого не произошло.

Сцены дружеской пирушки описаны в лицейском стихотворении 1814 «Пирующие студенты», где Пушкин весело и озорно пародирует «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

В 1816 директором Лицея был назначен Егор Антонович Энгельгардт. Он быстро сделался старшим другом и любимцем воспитанников, с которым многие из них поддерживали отношения долгие годы. Это был мудрый человек и гуманный педагог. Нередко ему приходилось заступаться за лицеистов. Так, узнав о записях в «черной

книге», он убедил других профессоров, что зрелый человек не должен расплачиваться всю жизнь за свой юношеский проступок, и зачинщиков злополучной пирушки простили.

При Энгельгардте жизнь лицеистов стала разнообразнее. Так, в зале Лицея по вечерам начали устраивать чтения. Нередко читал и сам Энгельгардт, который был прекрасным чтецом. Организовывались также дружеские чаепития.

Летом воспитанники совершали дальние, порой двухдневные прогулки по окрестностям Царского Села, зимой ездили на тройках, катались на салазках и коньках. Во всех этих забавах принимал участие и директор вместе со своей семьей. Лицеисты бывали частыми гостями в его доме.

14 октября 1815 писатели-карамзинисты создали в Петербурге литературное общество «Арзамас». Оно стало ответом на нападки в первую очередь на Жуковского со стороны консервативно настроенных литераторов.

Арзамасцы взяли себе псевдонимы из баллад Жуковского. Староста «Арзамаса» В.Л. Пушкин носил прозвище «Вот» (наиболее употребляемая в балладах частица), сам Жуковский именовался «Светланой», лицеист Пушкин взял себе имя «Сверчок» (из баллады Жуковского «Светлана»).

Девятого июня 1817, после окончания экзаменов, в Лицее состоялся первый выпуск. Он происходил в том же зале, что и торжественное открытие 19 октября 1811, но отличался скромностью церемонии, тишиной и печальным настроением профессоров и воспитанников.

Выпускной акт посетил Александр I, но если на открытии Лицея с ним была пышная и многочисленная свита, то теперь он пришел лишь в сопровождении министра народного просвещения.

Лицеисты и их наставники собрались в зале. Директор Лицея Энгельгардт зачитал перед императором и всем собранием краткий отчет за шестилетний курс. Затем каждый из выпускников был представлен царю. Лицейский хор пропел прощальную песнь на слова Дельвига. В этот день Пушкин навсегда покинул свою студенческую келью — комнату № 14, которая шесть лет была для него домом.

Петербург. 1817–1820

По окончании Лицея Пушкин должен был определиться на службу. Для молодого человека из аристократической среды, к которой принадлежала и семья Пушкина, достойными считались главным образом три вида карьеры — при дворе, в гвардии и по ведомству иностранных дел. Пушкин сделал свой выбор еще в Лицее. В Царском Селе и его окрестностях стоял лейб-гвардейский гусарский полк. Лицеисты подружились с офицерами этого полка, прошедшего всю войну с Наполеоном. Общение с ними приводило юношей в восхищение, усиленное общим подъемом патриотических чувств, царивших в обществе после разгрома неприятеля. Двенадцать воспитанников Лицея, в том числе и Пушкин, решили избрать для себя военную службу. По распоряжению императора для них был учрежден специальный класс военных наук. Кроме того, лицеисты обучались верховой езде в манеже гусарского полка. Пушкин обладал всеми необходимыми для будущего гвардейского офицера навыками и задатками. Он прекрасно ездил верхом, мастерски фехтовал, метко стрелял, отличался ловкостью и гибкостью. Военная служба казалась Пушкину тем предпочтительнее, что оставляла много свободного времени для литературных занятий.

Пушкин всерьез думал о поступлении в лейб-гусары, но Сергей Львович объявил сыну, что не располагает средствами для содержания его в лейб-гусарах, и разрешил выбрать какой-нибудь из пехотных гвардейских полков.

Пушкин не хотел в пехоту и предпочел определиться на гражданскую службу. Через четыре дня после лицейского выпуска, 13 июня 1817 Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел в чине коллежского секретаря. Служба была номинальной и позволяла иметь досуг для чтения и поэтических занятий. Теперь Пушкин поселяется в Петербурге

— вместе со своей семьей. Отец его, переселившийся в северную столицу еще в 1814, жил на Фонтанке, у Калинкина моста. Оказавшись в Петербурге, Пушкин со всем своим темпераментом пускается в вихрь светской жизни. Он словно стремится вознаградить себя за годы, проведенные в лицейском «заточении».

О военной службе поэт больше не мечтает. Теперь его идеалом становится независимая жизнь частного человека, «поэтическая лень». Лучше всего тогдашнее настроение Пушкина отражено в шутовском стихотворении 1817 «Товарищам» — своеобразном поэтическом манифесте.

Либеральные настроения сказывались не только в образе мыслей поэта, поведении и стихах, но и в одежде. Пушкин обычно носил широкий черный фрак в «американском» стиле (нарочитая грубость его была верхом щегольской утонченности) и шляпу «боливар» с непомерно широкими полями. Позже эти черты эпохи будут воссозданы в I главе «Евгения Онегина».

Лето 1817 Пушкин со всей своей семьей проводит в псковском наследственном имении матери — селе Михайловском. Оно было подарено императрицей Елизаветой в 1742 прадеду поэта Ибрагиму Ганнибалу. К тому времени село насчитывало несколько крестьянских дворов. Был здесь и небольшой господский дом с садом. Вокруг Михайловского располагались поместья других потомков Ганнибала. Некоторых из них Пушкин навещал, в частности последнего из оставшихся в живых сыновей своего знаменитого прадеда — Петра Абрамовича Ганнибала.

Здесь же, в Михайловском, Пушкин вновь встретил свою нянюшку Арину Родионовну, с которой расстался еще в детстве.

До отъезда в южные губернии Пушкин еще два раза проводил в Михайловском летний отпуск — в 1818 и 1819. Здесь им написана значительная часть поэмы «Руслан и Людмила». Здесь же появился ряд стихотворений, таких как «Уединение» и «Домовому», где идиллические картины сельской жизни и природы несут на себе отпечаток ученичества у Жуковского. Но наиболее интересно в этом ряду стихотворение «Деревня» (1819), где во всей полноте отразились либеральные взгляды Пушкина тех лет — впрочем, не радикальные, а умеренные: поэт ждет освобождения крестьян государем.

Но гораздо сильнее, чем деревня, Пушкина влек город. В своих автобиографических записях он отмечал:

«Вышед из Лицея, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу».

Самым дорогим в петербургской жизни для Пушкина была возможность широкого и разнообразного общения. Его занимали и обсуждение последних литературных событий, и театральные споры, и беседы о мерах правительства, и новости европейской политики.

Современников поражало, что поэт мог легко общаться одновременно с самыми разными литературными и дружескими кружками, многочисленными в то время, разделенными эстетическими и политическими воззрениями.

Эта широта натуры Пушкина, которую многие принимали за неразборчивость, была прямым следствием внутренней свободы его личности. Он был чужд любой одно-сторонности.

Пушкину требовалось все многообразие жизни, вся ее сложность и богатство, панорама людских мнений и характеров. Осваивая все новые поэтические формы и стили, существовавшие в русской и мировой поэзии, он искал и создавал свое.

По выходе из Лицея Пушкин особенно подружился с братьями Тургеневыми, Александром и Николаем, сыновьями директора Московского университета И.П. Тургенева, знаменитого московского масона и друга Н.И. Новикова

Николай Тургенев состоял членом «Союза благоденствия» и был участником одной из его конспиративных групп. В отличие от брата, мягкого и добродушного, он унаследовал суровость, бескомпромиссность принципов и глубокую религиозность своего отца.

От Николая Тургенева поэт воспринял ненависть к крепостничеству, которое именовал не иначе как «хамством», а его приверженцев — «хамами». Вся жизнь Н.И. Тургенев был ярким сторонником республиканского строя и освобождения крестьян, о чем впоследствии Пушкин упомянет в X (сожженной) главе «Евгения Онегина», рисуя Н. Тургенева среди других декабристов.

Влияние взглядов Н. Тургенева заметно в некоторых пушкинских стихах 1817–1820, особенно в оде «Вольность». Стихотворение было написано в 1817. Пушкин в это время часто бывал в гостях у братьев Тургеневых на Фонтанке. Из окон их квартиры открывался вид на Михайловский замок, где 11 марта 1801 заговорщики убили Павла I. Однажды вечером, находясь в квартире братьев Тургеневых, глядя в окно, он начал писать «Вольность». Ода «Вольность» стала поэтическим выражением надежд прогрессивно настроенной части русского общества.

Пушкин, увлеченный идеями Тургенева, тем не менее не мог принять их прагматической односторонности. За «Вольностью» стоит огромная традиция русской лирики XVIII столетия, и прежде всего — одноименная ода А.Н. Радищева. Но взгляды Пушкина и Радищева глубоко разнятся между собою. Если Радищев считал, что власть монарху дает народ, то Пушкин был сторонником теории «естественного права». Власть дается царю законом, которому в равной степени должны подчиняться и он, и народ. В качестве двух пагубных примеров отступления от этого правила Пушкин приводит французскую революцию, завершившуюся тиранией Наполеона, и самовластие Павла I, «ограниченное удавкой».

Ода «Вольность» поразила братьев Тургеневых. Они не ожидали такой ясности политической мысли и историко-философской глубины от Пушкина, которого постоянно корили за легкомыслие, приверженность элегической поэзии, служебное нерадение и словесный радикализм.

Особенно строг к юному Пушкину был Н.И. Тургенев. Мальчишество поэта раздражало его. Однажды, упрекая Пушкина за его эпиграммы, Тургенев сказал, что нельзя брать жалованье ни за что и одновременно ругать того, кто это жалованье дает. Пушкин вспылил и вызвал Тургенева на дуэль. К счастью, до поединка дело не дошло.

В этот период у Пушкина было несколько несостоявшихся дуэлей. Кроме Н. Тургенева, он вызывал на поединок своего пожилого дядю С.И. Ганнибала, лицейского однокурсника М.А. Корфа за то, что тот побил его слугу Никиту Козлова, а также майора Денисевича, который в театре начал читать Пушкину нравоучения в высокомерно-пренебрежительном тоне.

Но самыми курьезными были обстоятельства дуэли Пушкина с В. Кюхельбекером. В этом случае на поединок поэта вызвал лицейский друг, выведенный из себя насмешками Пушкина над его стихами, и особенно эпиграммой. Секундантом Кюхельбекера был А. Дельвиг. Когда близорукий Кюхля начал целиться, Пушкин крикнул: «Дельвиг! Стань на мое место, здесь безопаснее». Через секунду пуля Кюхельбекера действительно пробил фуражку на голове Дельвига. «Послушай, товарищ, — сказал Пушкин, — без лести — ты стоишь дружбы; без эпиграммы пороку не стоишь», — и бросил пистолет. Друзья быстро помирились.

Продолжает Пушкин и свое участие в заседаниях «Арзамаса». В сентябре 1817 он произносит там вступительную речь, написанную александрийским стихом. Но уже весной 1818 общество прекращает свое существование. Ведущие участники его разъезжаются в разные концы света по долгу службы. Арзамасскую закваску — дух веселой насмешки над надутой бездарностью и пыл литературной полемики — Пушкин сохранит навсегда.

Из всех арзамасцев самые тесные отношения в это время складываются у Пушкина с Жуковским. Дружба, которая началась еще в лицейские годы, теперь крепнет день ото дня. В 1817, когда в августовском номере Вестника Европы» был напечатан портрет Жуковского, Пушкин экспромтом сочинил стихотворную подпись к нему, где предсказал бессмертие его поэзии. С осени 1818 Пушкин постоянно бывает на субботних вечерах у Жуковского, жившего тогда в доме своего друга А.А. Плещеева в Коломне у Кашина моста. Здесь собирался кружок писателей и любителей словесности. Кроме Пушкина, вечера Жуковского посещали А.А. Дельвиг, П.А. Плетнев и Е.А. Баратынский, с которым Пушкин подружился именно тогда.

На вечерах у Жуковского Пушкин читал песни своей поэмы «Руслан и Людмила», над которой тогда работал. Четвертая песнь «Руслана и Людмилы» была шуточной пародией на «Двенадцать спящих дев» Жуковского. Жуковский воспринял эту шутку без обиды, от души радуясь великолепной игре пушкинского гения. Он вообще был на редкость снисходителен к шалостям своего молодого друга, видимо, предчувствуя высокую и страдальческую судьбу поэта. На одном из вечеров Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью:

«Ученику — победителю от побежденного учителя в высокаторжественный день окончания «Руслана и Людмилы»».

Поэма «Руслан и Людмила» была завершена в 1820. Правда, Пушкин не раз возвращался к ней — во время южной ссылки он дополнил ее «Эпилогом», а в 1828 — «Прологом».

Кроме вечеров Жуковского, Пушкин постоянно посещал вольное общество «Зеленая лампа». Собиралось оно в доме братьев Никиты и Александра Всеволожских раз в две недели. Просуществовала «Зеленая лампа» год — с марта 1819 до весны 1820. Название свое общество получило по зеленой лампе, которая висела в комнате, где происходили собрания. Ее цвет должен был символизировать надежду. Это литературно-театральное общество находилось под влиянием «Союза благоденствия», члены которого (С. Трубецкой, П. Каверин, Я. Толстой, Ф. Глинка) участвовали в заседаниях «Зеленой лампы». Здесь царили дух свободолобия и атмосфера игры, веселого озорства, культ шалости и хмельного застолья. Новые члены принимались с общего согласия, знаком принадлежности к обществу было кольцо с изображением зеленой лампы.

Свои новые произведения участники обсуждали на собраниях. Так, Д. Барков читал на «Зеленой лампе» свои острые театрально-критические статьи и обзоры, А. Дельвиг — антологические стихотворения, Н. Гнедич — переводы из «Илиады». Читал здесь свои новые стихи и Пушкин.

К 1818 относится и знакомство Пушкина с П.А. Катениным — участником войны 1812 года, членом «Союза благоденствия», поэтом, драматургом, критиком, одним из крупнейших знатоков театра и непревзойденным переводчиком Расина и Корнеля. Дружба их началась с того, что Пушкин пришел к Катенину и подал ему свою трость со словами: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи!» — «Ученого учить — портить», — ответил Катенин.

Взгляды Катенина и независимость его мыслей оказали в то время на Пушкина немалое влияние «Ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях», — писал он Катенину впоследствии. Катенин познакомил поэта с князем А.А. Шаховским — директором Петербургского театра, драматургом, режиссером, театральным педагогом. Именно тогда Катенин привез Пушкина на знаменитый «чердак» Шаховского — в квартиру-салон, где происходили литературные вечера.

Шаховскому принадлежат три инсценировки произведений Пушкина для театра «Финн» (1824 — по «Руслану и Людмиле»), «Керим-Гирей» (1827 — по Бахчисарайскому фонтану) и «Хризомания» (1836 — по «Пиковой даме»).

Театр занимал в те годы одно из центральных мест в жизни петербургского общества. На сцене, за кулисами и в зрительном зале кипели страсти, разыгрывались невероятные романтические истории, завершавшиеся порой трагически, как, например, знаменитая дуэль из-за балерины А. Истоминой между камер-юнкером А. Завадовским и кавалергардским штаб-ротмистром В. Шереметевым, закончившаяся гибелью последнего.

Шаховской и Катенин помогли Пушкину войти в праздничный и многокрасочный «волшебный край» театра, где он очень быстро сделался своим, приобщился к узкому кругу завязтых театралов и знатоков, наслаждался игрой лучших русских актеров и общением с ними. Со многими из них он встречался не только в театре, но и в радушной и непринужденной обстановке квартиры Шаховского.

Пушкин еще в те годы проявил себя как тонкий знаток и ценитель актерского искусства. Уже в своей ранней статье «Мои мысли о русском театре» (1819) из всех блиставших тогда на русской сцене знаменитостей он безошибочно выделил великую трагическую актрису Е. Семенову, которую в узком кругу театралов называли «Трагедия».

Дочь крепостной крестьянки, княгиня Гагарина в замужестве, эта великая актриса и прекрасная женщина стала эпохой в истории русского театра. Пушкин писал о ней:

«Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотой, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены».

Пушкин жадно впитывал театральные впечатления, лучшие трагические актеры, такие, как Е. Семенова, А. Колосова, Я. Брянский, И. Сосницкий, П. Каратыгин, Г. Шушерин, блистали в драмах Расина, Корнеля, Софокла, Эсхила, Шекспира. Позже этот накал страстей и столкновение характеров явят себя и в «Борисе Годунове», и в «маленьких трагедиях».

Но не меньше, чем драматическое искусство, Пушкин знал и ценил балет. В те годы на петербургской сцене царствовал замечательный балетмейстер Ш.-Л. Дидло, реформатор русского балета. О нем с восторгом отзывался не только Пушкин, но еще прежде Державин. Дидло решительно ломал сложившиеся стереотипы балета XVIII века с его застывшим аллегоризмом, пением и декламацией вперемежку с танцами и нелепым сюжетом.

Драматизм сценического действия в его постановках передавался танцем, пантомимой, мимикой и пластикой. Вместо камзолов и пудренных париков XVIII века на сцене появились исторические костюмы, воскрешающие подлинную трагическую античность. Дидло изобрел трико и газовую тунику. Помимо этого он ввел в балет много эффектов, связанных с механикой. Одним из новшеств стали полеты на сцене, в том числе с движущимися крыльями. Нередко рои крылатых гениев, эльфов, амуров или демонов, вылетая из глубины сцены, неслись прямо на публику и как по волшебству останавливались перед рампой. Влияние балетов Дидло с их феерическим блеском сказалось в «Руслане и Людмиле», особенно в описаниях дворца и садов Черномора, где сценические декорации и эффекты узнаваемы без труда.

Бурная жизнь тех лет не прошла для Пушкина бесследно. В начале 1818 он тяжело и опасно заболел гнилою горячкою. Придворный медик Лейтон, лечивший его, боялся самого худшего исхода. Он употреблял чрезвычайные средства для спасения своего пациента, в частности ледяные ванны. Но, к счастью, вопреки всему крепкий организм и молодость Пушкина взяли верх над болезнью. Он выздоровел.

Решающее влияние на формирование личности Пушкина в тот период имел П.Я. Чаадаев. Это был один из самых благородных и достойных людей и в XIX столетии, и в русской истории вообще. С юных лет Чаадаев отличался независимостью, самостоятельностью мысли и поведения, чувством собственного достоинства. Получив блестящее

домашнее образование, он затем окончил Московский университет и совсем еще юным вступил в гвардейский Семеновский полк. Пройдя с ним от Бородина до Парижа, Чаадаев перешел в гусары и в 1818 стал адъютантом при военном министре И.В. Васильчикове.

Впрочем, по свидетельству современников, Чаадаев отличался не гусарскими, а скорее английскими манерами, делающими его похожим на лорда. Еще с лицейских лет Пушкин постоянно приходил к нему, просиживал в его доме днями, то беседуя с ним, то читая книги в огромной библиотеке своего старшего друга. Чаадаев был одним из немногих, кто сумел понять Пушкина еще тогда и отнестись к нему всерьез. Он внушал Пушкину, что у него великое предназначение, которое должно с честью выполнить, несмотря ни на какие препятствия.

И сам Чаадаев, в те годы член «Союза благоденствия», готовился к великому подвигу во имя свободы, к огромной славе.

Пушкинские эпиграммы «На Аракчеева», «На кн. А.Н. Голицына», «Сказки (Noël)» и остроты, зачастую антиправительственные, расходились по Петербургу с молниеносной быстротой. Вскоре вместе с доносами на поэта они были доведены до сведения Александра I. На этот раз государь отнесся к ним уже не столь снисходительно, как к лицейским шалостям Пушкина.

По некоторым сведениям, императору предлагали сослать Пушкина в Сибирь или в Соловки, но он решил прежде посоветоваться с бывшим наставником поэта директором Лицея Е.А. Энгельгардтом. Свой разговор с государем Энгельгардт впоследствии передал И. Пущину. Царь и директор Лицея встретились в Царскосельском саду. «Энгельгардт, – сказал Александр I, – Пушкина надобно сослать в Сибирь. Он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает». Егор Антонович отвечал: «Воля Вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника. В нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Я думаю, что великодушие ваше, Государь, лучше вразумит его».

Тем временем за поэта начали также хлопотать Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, Ф.Н. Глинка, П.Я. Чаадаев. Благодаря хлопотам друзей, участь поэта была смягчена. Пушкина направили на юг, в распоряжение генерала И.Н. Инзова, начальника колонистов Южного края.

Южная ссылка. 1820–1824

6 мая 1820 Пушкин выехал из Петербурга в Екатеринослав. Сборы в дорогу были поспешными. Он даже не успел попрощаться со своими петербургскими приятелями. От дома на Фонтанке, где снимали квартиру Пушкины, поэта провожали до Царского Села два его лицейских друга, А. Дельвиг и М. Яковлев. Сопровождал его в поездке старый крепостной — дядька Никита Козлов. Пушкин расставался с Петербургом почти на семь лет. Формально это не было ссылкой — поэта не ссылали, а переводили по службе. Путь в Екатеринослав лежал по белорусскому тракту — через Лугу, Великие Луки, Витебск, Могилев, Чернигов и Киев.

17 мая 1820 в красной дорожной рубашке с пояском и поярковой шляпе Пушкин прибыл в Екатеринослав и явился к генералу И.Н. Инзову, начальнику иностранных колонистов Южной России. Генерал славился своей просвещенностью и либерализмом. Он участвовал в войнах и походах под началом А.В. Суворова, а в 1812–1813 в сражениях при Березине и под Лейпцигом командовал дивизией. За гуманное обращение с французскими военнопленными Инзов был награжден в Париже орденом Почетного легиона. Он сразу же по-отечески полюбил Пушкина и всегда благоволил к нему.

Пушкин был принят и зачислен в канцелярию Инзова сверх штата. Служебных обязанностей у поэта не было практически никаких. Одиночество и скука угнетали его. Пушкину было очень тяжело вдали от привычного круга друзей — будь то Дельвиг и Жуковский или Чаадаев и братья Тургеневы. Тем не менее уединение начало благо-

творно сказываться: уже в первые дни Пушкин вновь принялся за стихи. Настроение того периода он выразил в послании «Чаадаеву».

Однажды, купаясь в Днепре, он простудился и серьезно заболел. По счастью, в это время через Екатеринослав проезжал на Кавказ со своим семейством генерал Н.Н. Раевский, с которым Пушкин встречался еще в Киеве, по пути к месту службы. Генерал Раевский нашел Пушкина лежащим в горячке, в бреду, без какой бы то ни было врачебной помощи. Он попросил Инзова отпустить больного для излечения на Кавказ, тем более что вместе с Раевскими ехал их врач. И вскоре они отправились в путь.

Пушкин был очарован семейством Раевских. Н.Н. Раевский был легендарной личностью. Генерал от кавалерии, участник Отечественной войны 1812 года, воспетый Жуковским в гимне «Певец во стане русских воинов», он прославился своей отвагой и полководческими способностями.

Пушкин нашел в генерале Раевском умного, обаятельного и интересного собеседника, дружелюбного хлебосола. Воспитанник князя Г.А. Потемкина, Раевский многое помнил о XVIII столетии. Старший сын Раевского, Александр, также сблизился с поэтом и продолжительное время имел на него серьезное влияние. Их взаимоотношения отражены в стихотворении «Демон». Яркие впечатления от путешествия по Кавказу легли в основу поэмы «Кавказский пленник», посвященной Н.Н. Раевскому-младшему.

«Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского, — писал Пушкин брату Льву. — Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная».

В конце июля — начале августа в Петербурге выходит первое издание поэмы «Руслан и Людмила». Готовил его Н.И. Гнедич, которого поэт хорошо знал еще по «Зеленой лампе». Впрочем, Пушкин остался недоволен, так как львиную долю гонорара Гнедич забирал себе, а автору приходилось довольствоваться малым. С точки зрения издательской практики XVIII — начала XIX в. это было в порядке вещей, но в Пушкине уже зрело достоинство профессионального литератора, получающего деньги за свой труд.

На Кавказских минеральных водах Пушкин вместе с Раевскими пробыл два месяца. Он видел новый, непривычный для него мир — аулы и сакли черкесов, кибитки кочевых калмыков, неведомый прежде суровый быт гордых и вольных людей, дикую красоту степей и гор. Совсем неподалеку шла война с горцами. Атмосфера дикой свободы и близкой опасности будоражила мысли и чувства поэта.

В начале августа 1820 Пушкин вместе с Раевскими переехал из Пятигорска в Тамань, и оттуда они отправились в Крым — сначала в Керчь, затем в Феодосию. Из Феодосии 17 августа на военном корабле «Мингрия» путешественники отплыли в Гурзуф. Ночью на корабле Пушкин написал одно из самых прекрасных стихотворений этого периода «Погасло дневное светило».

С семейством Раевских Пушкин пробыл в Гурзуфе немногим более двух недель. Они поселились на лучшей даче — с видом на море и горы и с большим садом, — принадлежавшей бывшему одесскому генерал-губернатору герцогу Ришелье. Гурзуф с его прекрасным климатом и роскошной южной природой сразу очаровал поэта. В одном из писем Дельвигу он писал:

«В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом. Я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею...»

В Гурзуфе Пушкин начинает систематически изучать английский язык. В это время он открывает для себя творчество Андре Шенье, одного из предтеч европейского романтизма, казненного во время якобинской диктатуры, а главное — поэзию Дж. Байрона, ради которого и учит английский. Пушкин зачитывается Байроном. Культ сильной и яркой одинокой личности, бросившей вызов миру обыденности, романтический апофеоз страстей сейчас близки его настроениям как никогда. На даче Ришелье из-под пера поэта

появляется незаконченная редакция его первой байронической поэмы «Кавказский пленник». Вскоре в его стихах появятся образы Тавриды — в Нерееде» и в элегии «Редает облаков летучая гряда» (1820), а также в незаконченном стихотворении «Таврида», написанном в 1822.

В первые дни сентября Пушкин покидает Гурзуф. Они едут горным путем, по дороге посещая Георгиевский монастырь, через Алупку, Симеиз и Севастополь в Бахчисарай, где осматривают ханский дворец.

«В Бахчисарай приехал я больной, — писал Пушкин Дельвигу, — Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К*** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine les larmes* (фонтан слез). Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан из заржавелой железной трубки: по камням падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат».

Отпуск Пушкина заканчивался, и ему пора было возвращаться к месту службы. 21 сентября 1820 Пушкин прибыл в Кишинев, куда была переведена канцелярия Инзова, и поселился в его доме, в старой части города.

В апреле 1821 поэт встречается с одним из вдохновителей «Союза благоденствия» — П.И. Пестелем.

«Мы имели с ним разговор метафизический, политический, нравственный и проч., — записал Пушкин в дневнике. — Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

В это время Пушкин часто бывал в доме генерал-майора М.Ф. Орлова, с которым познакомился еще в Петербурге. Он был из знаменитого рода Орловых, возвысившихся при Екатерине II. Во время войн с Наполеоном Орлов прославился своей отвагой. Еще будучи юношей, в 1805 он участвовал в атаке кавалергардов под Аустерлицем, получил за храбрость знак отличия, одним из немногих остался в живых и, узнав о поражении, горько заплакал. Достоинство проявив себя и в 1812 году, Орлов одним из первых вступил в Париж и вел переговоры о его капитуляции. Но не меньше генерал Орлов был знаменит своей приверженностью к просвещению и широтой познаний.

В Кишиневе Орлов жил на широкую ногу, занимая два больших дома. Особенно тесно Пушкин сблизился с ним в 1821, когда тот женился на старшей дочери генерала Раевского Екатерине Николаевне.

Бывая в доме Орлова, среди гостей которого преобладали офицеры, подобно хозяину либерально настроенные, Пушкин нередко спорил с ними. В гостях у Орлова Пушкин держался чрезвычайно свободно и раскованно, несмотря на разницу в возрасте и положении. Обычно его можно было там видеть одетым подчеркнуто небрежно, в архалуке и бархатных шароварах валяющимся на диване.

По своей горячности Пушкин и в Кишиневе не раз попадал в дуэльные переделки. Однажды у Пушкина с Орловым произошла ссора из-за бильярда, которая чуть было не окончилась дуэлью. Пушкин вызывал на поединок и бывшего французского офицера Дегильи (тот уклонился, чем вызвал резкое письмо Пушкина к нему с обвинением в трусости и недостойном поведении). Кроме того, у поэта состоялись две дуэли — с офицером генерального штаба Зубовым из-за карт и с полковником С.Н. Старовым, который счел, что Пушкин невежливо повел себя с его подчиненным. Обе дуэли, к счастью, завершились благополучно. С.Н. Старов, участник войны 1812 года, был вынужден признать, что Пушкин так же хорошо стоит под пулями, как хорошо пишет.

Но самой шумевшей историей стала стычка с молдавским боярином Тодором Балшем. Поэт часто бывал в домах кишиневской знати. На одном из вечеров Пушкина вывел из себя высокомерный ответ тяжеловесного боярина, он схватил подсвечник и замахнулся на Балша. Пушкина сумели удержать, скандал замяли, условившись, что Балш на следующий день извинится перед поэтом. Но встретившись с Пушкиным, Балш с прежним высокомерием сказал: «Меня упростили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно?» В ответ Пушкин дал ему пощечину. Генералу Инзову пришлось

посадить Пушкина под домашний арест (не забывая для утешения присылать ему книги из своей библиотеки и посещать его).

Начало 1820-х было временем либерального брожения во всей Европе, эхом отозвавшегося и в России. Революция сотрясала Испанию, в Италии бушевали восстания в Неаполе и Пьемонте, бурлила Германия, беспокойно было во Франции. За событиями в Европе пристально следили передовые умы России. М.Ф. Орлов, В.Л. Давыдов и другие члены «Союза благоденствия» ожидали своего часа.

Чувством сопричастности великим событиям европейской истории был охвачен и Пушкин. Свободолюбивые мотивы, порой даже с оттенком радикализма, все чаще появляются в его стихах («Кинжал», «Наполеон», «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем!..», «Узник», «Свободы сеятель пустынный...»).

Многие из стихотворений этой поры посвящены переосмыслению исторического значения и судьбы Наполеона, умершего в 1821. Теперь для него это не только злодей и тиран, как в ранних стихах, но и тот, кто пробудил в Европе и России жажду свободы.

В январе в турецкой части Молдавии вспыхнуло восстание под началом Т. Владимиреско, а 22 февраля генерал русской службы, сын молдавского господаря, кишиневский знакомец Пушкина князь Александр Ипсиланти, грек по происхождению, вместе с кавалерийским отрядом из греческих добровольцев перешел реку Прут — границу России и Оттоманской империи — и призвал своих единоплеменников к всеобщему восстанию против турок за свободу Греции. Ипсиланти был яркой и незаурядной личностью. Принятый Александром I в кавалергардский полк, он участвовал в войне с Наполеоном и в сражении под Дрезденом в 1813 потерял руку. В 1820 Ипсиланти стал главой тайного греческого общества, целью которого было освобождение Эллады от османского ига. Россия явно поддерживала его замыслы.

Война казалась неизбежной. Пушкин ждал этой войны и рвался участвовать в ней. Его настроения тех дней, отражающие всеобщий подъем, нашли воплощение в стихотворении «Война».

Огромное значение для Пушкина имел тот факт, что в борьбе греков за независимость принимал участие и Дж. Байрон, позднее вставший в ряды инсургентов. «Греческие мотивы» его поэзии особенно вдохновляли в те годы Пушкина. Но ожидания не оправдались. Поход Ипсиланти потерпел поражение, греки были разбиты.

За три неполных года ссылки Пушкиным были созданы две его самые яркие романтические поэмы — «Братья разбойники» и «Бахчисарайский фонтан», закончен «Кавказский пленник», написаны более ста стихотворений, в том числе и такие шедевры, как «Редет облаков летучая гряда...», «Я пережил свои желанья...», «Чаадаеву», «К Овидию», «Друзьям», «Песнь о вещем Олеге», «Послание цензору», «Черная шаль» (это стихотворение было переложением молдавской песни, которую Пушкин услышал однажды в трактире от молодой служанки Мариониллы; через некоторое время «Черная шаль» была на устах у всего Кишинева).

В поэзии Пушкина появляется образ поэта-изгнанника. Собственное положение поэта ассоциируется с судьбой Публия Овидия Назона, сосланного Октавианом Августом в эти же места, в том числе за нежелание писать стихи во славу императора. Отсюда он посылал Августу скорбные письма-элегии с мольбой разрешить ему вернуться в Рим. Пушкин сравнивает свою судьбу ссыльного поэта с судьбой изгнанника Овидия, одновременно подчеркивая различия: «Октавию — в слепой надежде — молебнов лести не пою».

В это время Пушкин становится одним из самых известных русскому читателю поэтов. Он непревзойденный мастер романтической элегии. 9 мая 1823 произошло событие, ознаменовавшее новый этап в творчестве Пушкина: он начал писать роман в стихах «Евгений Онегин».

В начале июля Пушкин с разрешения Инзова едет в Одессу для лечения морскими ваннами. К тому времени новороссийское генерал-губернаторство и бессарабское

наместничество были объединены, за Инзовым оставили только попечительство о южных колонистах, а начальником края стал М.С. Воронцов.

Он сделал блестящую военную карьеру. Был участником войны 1812 года и прекрасно проявил себя под Бородином и в других сражениях. В 1815–1818 генерал Воронцов командовал русским оккупационным корпусом во Франции. Там он слыл либералом и даже впервые в истории русской армии отменил телесные наказания для солдат. В годы аракчеевщины в его взглядах произошел резкий поворот к конформизму. Многие современники среди его негативных черт отмечали тщеславие и высокомерие.

Местом пребывания его канцелярии, к которой причислили Пушкина, была назначена Одесса.

«Я оставил мою Молдавию и явился в Европу, – сообщал Пушкин брату. – Ресторация и итальянская опера напоминали мне старину и, ей богу, обновили мою душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе. Кажется и хорошо, да новая печаль мне сжала грудь, мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехав в Кишинев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически, и, выехав оттуда навсегда, о Кишиневе я вздохнул».

Начиналось наступление реакции, которое коснулось в том числе и кишиневских знакомых Пушкина. Арест В.Ф. Раевского и отстранение М.Ф. Орлова, зрелище открытого насилия и беззакония в действиях властей, трусость и предательство людей, еще вчера казавшихся единомышленниками, стали главным источником разочарований поэта.

Поэт пробыл в Одессе год — до 1 августа 1824. Большой южный портовый город с первых же дней захватил поэта блеском, шумом и разнообразием жизни. В отличие от провинциального Кишинева, здесь сильнее ощущалась связь с Европой. Сюда без цензурных препон приходили французские газеты всех направлений, а через порт беспопылинным путем из Южного Средиземноморья доставлялись вина.

Простота и тепло провинциального кишиневского быта имели в этом смысле неоспоримые преимущества перед одесской жизнью, где Пушкин уже не мог рассчитывать на чье-либо радушие. С просьбами выслать деньги, полученные за издание его сочинений, он обращается к Вяземскому. Просит он денежной помощи и в письмах брату, пеняя на несносную скупость отца:

«Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре, ремеслу же столярному я не обучался, в учителя не могу идти, хоть я знаю Закон Божий и 4 первые правила — но служу и не по своей воле — и в отставку идти невозможно».

Пребывание в Одессе ознаменовалось для Пушкина несколькими сильными любовными увлечениями. Одной из тех женщин, к кому поэт испытал страстное чувство, была польская красавица Каролина Собаньская, будущая родственница О. Бальзака.

Собаньская была женщина тщеславная и ветреная, неизменно веселая, изящная, живая, образованная, любительница искусств, прекрасная пианистка. У нее в Одессе был свой салон, в нем собиралось отборнейшее мужское общество. Одним из любовников Собаньской стал приехавший в Одессу А. Мицкевич, уже пользовавшийся громкою славой. К Собаньской, по свидетельству современников, было обращено стихотворение Пушкина «Что в имени тебе моем?».

Кроме того, предметом страсти Пушкина в этот период стала Амалия Ризнич, прекрасная итальянка, жена негоцианта из Триеста. Амалия держалась эксцентрично, любила ходить в мужской шляпе и в наряде полуамазонки, с тянувшимся по земле шлейфом. Страсть Пушкина была горячая, дурманящая, чувственная. У него было много соперников. Муки ревности Пушкину приходилось переживать самые жестокие, однажды в бешенстве от ревности он пробежал пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем. Но увлечение длилось недолго. В мае 1824, заболев чахоткой, Ризнич вернулась в Италию, где вскоре умерла. На смерть ее Пушкин написал стихотворение «Под небом голубым страны своей родной».

Но самым сильным чувством Пушкина этой поры стала любовь к жене М.С. Воронцова Елизавете Ксаверьевне, урожденной графине Браницкой, чей отец удостоился дуэли с самим Казановой. Все знавшие графиню описывают ее как женщину исключительной прелести и очаровывающего благородного изящества. Быстрый нежный взгляд ее небольших глаз пронизал насквозь, улыбка ее уст так и призывала поцелуи. Все ее существо было проникнуто мягкой, очаровательной, женственной грацией.

Несомненно, Воронцова глубоко жила в душе Пушкина. Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы спокойного, благородного, величавого типа, которые идут почти по всем его бумагам одесского периода жизни. Воронцова подарила Пушкину перед его отъездом из Одессы золотой перстень с сердоликом. Поэт очень дорожил им и всегда носил его на пальце. Когда Пушкин жил уже в псковской ссылке, он получал из Одессы письма, запечатанные таким же перстнем. По всей вероятности, именно с Воронцовой связаны стихи 1824, такие как «Прозерпина», «Все кончено: меж нами связи нет...», «Кораблю», «Приют любви, он вечно полн...», «Храни меня, мой талисман...», «Пускай увенчанный любовью красоты...», «Сожженное письмо».

В Одессе Пушкин продолжает свой напряженный поэтический труд. Кроме ряда лирических стихотворений, среди которых «Кто, волны, вас остановил...», «Демон», «Свободы сеятель пустынный...», «Телега жизни», здесь была закончена первая глава «Евгения Онегина», полностью написана вторая и начата третья. Здесь же Пушкин начинает писать последнюю из поэм южного цикла — «Цыганы».

К этому времени назревает конфликт Пушкина с Воронцовым, который видел в поэте лишь мелкого чиновника. Пушкин пишет на Воронцова несколько эпиграмм — «Полу-милорд, полу-купец...», «Певец-Давид был ростом мал...», «Сказали раз царю...», которые взбесили генерал-губернатора. Преследуемый Воронцовым, Пушкин уже замыслил побег через море за границу. В.Ф. Вяземская и Е. Воронцова стремились помочь ему бежать (Вера Федоровна даже доставала для него деньги). Но этим планам Пушкина не суждено было сбыться. В мае Воронцов командует Пушкина в поездку по сбору сведений о саранче, что поэт почел оскорблением. Он подает прошение об отставке. В письме А.И. Тургеневу он объясняет этот шаг так:

«Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое».

8 июля 1824 после многочисленных жалоб Воронцова приказом императора Пушкин был уволен от службы и сослан в свое родовое имение Михайловское в Псковской губернии.

Михайловское. 1824–1826

Выехав из Одессы и проделав путь через Николаев, Елизаветград, Чернигов, Могилев и Витебск, 9 августа 1824 Пушкин прибыл в Михайловское, где застал своих родных. Но встреча не принесла радости. Высланный в Псковскую губернию под надзор местного начальства, Пушкин не нашел сочувствия и понимания и в семье.

И даже более того. В письме В.Ф. Вяземской поэт сообщает о том ударе, который ждал его по приезде в Михайловское и который через три месяца привел к тяжелому столкновению с родителями:

«Мой отец имел слабость согласиться на выполнение обязанностей, которые, во всех обстоятельствах, поставили его в ложное положение по отношению ко мне».

Обстоятельства, о которых писал Пушкин, были связаны с тем, что опочечкий предводитель дворянства Пещуров, назначенный правительством следить за поведением поэта и его связями, предложил Сергею Львовичу читать переписку сына. Государство

бесстыдно вторгалось в святая святых Пушкина — в его дом, в его частную жизнь. Впоследствии он писал в одном из писем:

«Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше».

О том, как разрешился конфликт, Пушкин сообщает в письме Жуковскому:

«Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал».

В отчаянии Пушкин написал письмо псковскому губернатору с просьбой о заключении в крепость «для спокойствия отца и своего собственного». Но, к счастью, письмо это не было отправлено. Сергей Львович вместе с женой и дочерью уехал в Москву. Пушкин остался в Михайловском один вместе со своей старой нянюшкой Ариной Родионовной.

Жизнь в Михайловском стала для поэта чем-то совершенно новым, прежде неведомым. Теперь на смену непрерывному общению с самыми различными людьми пришла уединенная сосредоточенность. Изменился и быт поэта: если в период южной ссылки он носил кочевой характер, то в Михайловском обрел черты устойчивости и размеренности, хотя и оставался крайне скромным. Вот каким вспоминает его одна из тогдашних знакомых Пушкина:

«Комнатка Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-навсего простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, а стол был ломберный, ободранный: на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки».

Но главным, чему способствовало вынужденное одиночество, — была полная самоотдача поэзии.

Поэтическая работа Пушкина в это время особенно плодотворна. Еще в Одессе, узнав о смерти Байрона от лихорадки, Пушкин пережил это событие как свою личную потерю. Приятель Пушкина А.Н. Вульф, живший по соседству от Михайловского, вспоминает об этом так:

«Пушкин, по крайней мере, в те годы, когда он жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне, он изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона».

По приезде в Михайловское Пушкиным было написано одно из лучших его стихотворений «К морю», где он оплакал любимого поэта.

В последние четыре месяца 1824 удача неизменно сопутствует творчеству Пушкина. 2 октября он заканчивает III главу «Евгения Онегина», 10 числа того же месяца в письме Вяземскому Пушкин сообщает: «Сегодня кончил поэму «Цыганы». В конце декабря он начинает писать «Бориса Годунова» и IV главу «Евгения Онегина». Кроме этого со времени приезда Пушкина в Михайловское в 1824 им были созданы такие прекрасные образцы лирики, как «К Языкову» («Издrevле сладостный союз...»), «Виноград», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Ночной зефир», цикл «Подражания Корану», «Аквилон».

Особое значение для выражения взглядов Пушкина на литературу и на место писателя в русском обществе имело стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», впоследствии опубликованное как предисловие к отдельному изданию I главы «Евгения Онегина». В нем ставится вопрос о превращении литературного труда из частного дела в профессию, в средство заработка, в источник материальной и личной независимости русского писателя и дворянина от государства — в залог «самостоянья человека».

Круг общения Пушкина во время его жизни в Михайловском почти полностью ограничивался лишь семейством Прасковьи Александровны Осиповой, владелицы соседнего Тригорского. Пушкин познакомился с ней еще в 1817, когда впервые вместе с родителями приехал на лето в Михайловское. Прасковья Александровна была умна, блестяще

образованна, знала несколько иностранных языков. Поэт регулярно пользовался библиотекой Осиповой.

Пушкин участвовал во всех многочисленных затеях, развлечениях, пирушках и розыгрышах, происходивших в Тригорском. В доме Осиповой он быстро сделался своим. Старший сын Прасковьи Александровны Алексей Вульф, студент Дерптского университета, стал его приятелем. Поэт посвятил ему стихотворное послание «Здравствуй, Вульф, приятель мой!..».

Дружил Пушкин и с сестрами Алексея Вульфа, Анной и Евпраксией, и с Александрой Осиповой. Обе барышни Вульф были влюблены в поэта, особенно Анна. О ее сильном чувстве свидетельствует письмо к Пушкину, где есть такие строки:

«Знаете ли вы, что я пишу вам письмо и плачу? Меня это компрометирует, я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть».

Оставаясь равнодушным к Анне, Пушкин тем не менее иногда делал вид, что влюблен в нее. Анне Вульф посвящено стихотворение «К имениннице». Поэт был увлечен и ее сестрой Евпраксией (по-домашнему Зина или Зизи). Она готовила для дружеских пирушек жженку, которую Пушкин очень любил. Забавляясь, он порой мерялся с ней талиями — чья тоньше, что нашло впоследствии отражение в XXXII строфе V главы «Евгения Онегина». Евпраксии Вульф Пушкин посвятил одно из лучших своих стихотворений «Если жизнь тебя обманет...» и «Вот, Зина, вам совет...».

Но подлинно страстное, сильное и глубокое чувство Пушкин испытал летом 1825, когда в Тригорское приехала племянница П.А. Осиповой Анна Петровна Керн (в девичестве Полторацкая). Пушкин познакомился с ней еще в 1819 в Петербурге в доме А.Н. Оленина, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки.

Тремя годами раньше шестнадцатилетнюю красавицу Анну Петровну выдали замуж за пожилого генерала Е.Н. Керна. О первой встрече с поэтом в своих воспоминаниях она пишет так:

«Я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить. Во время игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: “Конечно, этому господину придется играть роль аспида”. Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла. Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами».

Эта первая встреча, как и новая, в июне 1825, отозвалась в посвященном А.П. Керн стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» — одной из вершин пушкинской любовной лирики. К тому времени, когда Керн приехала в Тригорское, она уже разошлась с мужем. Их роман с Пушкиным был кратким, но бурным. Впоследствии Керн встречалась с Пушкиным в Петербурге, оставаясь с ним в добрых отношениях.

В годы Михайловской ссылки с особой нежностью Пушкин вспоминал Лицей и лицейское братство. И тем отраднее стал для поэта неожиданный визит его двух лицейских друзей.

11 января 1825 в Михайловское к своему опальному другу приехал И. Пущин. От этого опасного шага его усиленно отговаривали и А.И. Тургенев, и даже дядюшка Пушкина Василий Львович, но сострадание и честь для декабриста Пущина были выше чувства самосохранения. Встреча была недолгой, но необычайно насыщенной и сердечной — друзья словно бы предчувствовали, что расстанутся навсегда. В подарок Пущин привез Пушкину список комедии Грибоедова «Горе от ума». Вслед за Пущиным в середине апреля 1825 поэта посетил А. Дельвиг. Он провел в Михайловском около десяти дней.

Виделся Пушкин в 1825 и с другим своим лицейским товарищем — будущим министром иностранных дел и канцлером А. Горчаковым. Он приезжал погостить к дяде в соседнее с Михайловским село Лямоново. Пушкин читал ему сцены из «Бориса Годунова», над которым тогда работал.

И все же главным и самым постоянным собеседником поэта в эти годы была его няня Арина Родионовна. Пушкин особенно сблизился с ней в Михайловском. О его трогательном отношении к няне рассказывал один из михайловских крестьян:

«Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: “здорова ли, мама?” — он ее все мама называл. А она ему, бывало, эдак нараспев: “батюшка, ты за что меня все мамой зовешь, какая я тебе мать”. — “Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила”».

Арина Родионовна была прекрасной сказительницей, хранила в своей памяти множество сказок, песен и устных преданий. Пушкин в это время обращается к серьезному изучению фольклора. С голоса Арины Родионовны он записывает целую серию сказок. Сюжеты сказок, услышанных от Арины Родионовны, Пушкин использовал в своем творчестве. В частности, в прологе «Руслана и Людмилы». Записывает Пушкин и народные песни, которые пела ему нянюшка, среди них — песни о Стеньке Разине. Образ Арины Родионовны появится и в посвященных ей стихах Пушкина «Зимний вечер» и «Няне», и во «Вновь я посетил...», и в «Евгении Онегине». По признанию самого поэта, няня Татьяны также была списана с Арины Родионовны.

В годы ссылки в Михайловское Пушкин становится признанным первым русским поэтом в сознании его современников. Теперь уже никто не прибавляет к его фамилии уточнения «Пушкин-племянник» или «Пушкин-младший»; напротив, когда речь идет о В.Л. Пушкине, не обходится без определения «дядя».

А.П. Керн в своих воспоминаниях писала:

«Я полагаю, что император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал к развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась».

В 1825 Пушкин продолжает работать над IV главой «Евгения Онегина». А в ноябре он завершает «Бориса Годунова». Он пишет Вяземскому:

«Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона “Борис Годунов”. Трагедия моя кончена, я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!».

Помимо крупных жанров Пушкин не оставлял и лирики. За 1825 им были написаны такие стихотворения, как «Сожженное письмо», «Храни меня, мой талисман...», «Вакхическая песня», «Зимний вечер», «Вертоград моей сестры», «В крови горит огонь желанья...» и, наконец, «19 октября» — гимн верности старым друзьям, память о Лицее в день его основания и скорбь о тех, «чей глас умолк на братской переключке». Пушкин не знал, что на следующей лицейской переключке недосчитаются еще двух его друзей — Пуцина и Кюхельбекера.

Но одно из самых значимых стихотворений 1825 — «Андрей Шенье». Пушкину всегда был дорог этот французский поэт, во время якобинской диктатуры выступавший в защиту преследуемых и казнимых — в частности, свергнутого Людовика XVI и его семьи — и сам сложивший голову на гильотине 8 термидора 1794, за день до падения Робеспьера.

Пушкин называл свои стихи об А. Шенье пророческими, и не напрасно. Он предвидел скорый конец царствования Александра I и потрясения, которые вслед за этим могли произойти. Поэт понимал, что возможная победа декабристов и приход к власти наиболее радикальных из них, как, например, П.И. Пестеля, могут закончиться установлением диктатуры и революционным террором.

Пушкин готовит к изданию свой первый поэтический сборник. Когда книга поступила в продажу, успех ее был ошеломительным — за два месяца были раскуплены все до единого экземпляры.

В начале декабря пришло известие о кончине императора. В Петербурге было неспокойно. Брожение в обществе, среди высшего офицерского состава, колебания по вопросу о престолонаследии могли в любой момент вылиться в восстание. Россия

переживала исторический момент. Пушкин пытается выехать из Михайловского в столицу к своим друзьям, которые были безусловно причастны к грядущим событиям. Но когда он был уже в пути, дорогу ему перебежал заяц, что считалось плохой приметой и заставило поэта, склонного к суеверию, вернуться домой. Переодевшись, он снова выехал, но на этот раз ему встретился монах, настоятель Святогорского монастыря. Такая встреча также считалась плохим предвестием. Пушкин окончательно вернулся домой.

1826 год стал для Пушкина переломным во многих отношениях. Встретил поэт его под впечатлением от событий на Сенатской площади 14 декабря 1825, в тревоге за арестованных по делу декабристов друзей, среди которых были К. Рылеев, В. Кюхельбекер и И. Пущин. Пушкин не мог быть уверен в собственной безопасности. Мучительная неизвестность была невыносима. Пока он томился в заточении в Михайловском, его имя неоднократно всплывало в ходе следствия в бумагах декабристов находились списки вольных стихов Пушкина. Но друзья поэта делали все возможное, чтобы не впутать его в уголовный процесс. Никаких конкретных данных о прямых связях поэта с декабристами следствию найти не удалось.

Заканчивалась целая эпоха русской жизни. Уходили в прошлое годы либерального царствования Александра I, победителя Наполеона, и время богатырей 1812 года, когда крупные должности занимали крупные личности, а в обществе ценилась независимость мнений и поступков. Одновременно это были годы обманутых надежд и ожиданий.

Несмотря на тревоги и волнения, Пушкин, по-прежнему находясь в Михайловском, напряженно работает. В начале января он завершает IV главу «Евгения Онегина», пишет V и VI главы романа, делает первые наброски «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя».

24 июля 1826 Пушкин узнал о казни пятерых декабристов — К. Рылеева, М. Бестужева-Рюмина, С. Муравьева-Апостола, П. Пестеля, П. Каховского — и о каторжных приговорах 120 другим участникам восстания. Поэт был потрясен этим известием — смертная казнь в России не применялась со времен Елизаветы (за исключением Пугачева). В письме Вяземскому от 14 августа 1826 Пушкин писал

«Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Надежды на облегчение участи осужденных не покидают поэта. Он, как и все общество, ждал коронации: являть милосердие при восхождении на престол было принято (Павел, например, выпустил из Шлиссельбургской крепости Новикова, вернул из Сибири Радищева, отправленных туда Екатериной II). Но эти ожидания были напрасны.

Из лирических стихотворений, написанных в 1826 в Михайловском, особого внимания заслуживают послание «К Баратынскому» — отклик на его поэму «Эда», «Под небом голубым страны своей родной...» (на смерть Амалии Ризнич), три песни о Стеньке Разине — пример обращения Пушкина к устной народной поэзии, а также «Признание», посвященное А.И. Осиповой.

Москва и Петербург. 1826–1828

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 в Михайловское прибыл фельдъегерь с приказом Пушкину явиться в Москву. В городе своего детства поэт не был 15 лет. Прежний город нельзя было узнать. По плану архитектора О. Бове были перестроены Красная площадь с примыкающими к ней торговыми рядами и Театральная площадь, заключена в подземные трубы река Неглинка, воздвигнуто множество новых зданий.

Сразу же по приезде в Москву Пушкин был доставлен в Николаевский дворец Кремля для аудиенции с Николаем I. Пушкин писал П.А. Осиповой:

«Государь принял меня самым любезным образом».

Николаю I необходим был великодушный жест, который реабилитировал бы его в глазах общества. Прощение опального поэта сулило в этом отношении немалые выгоды.

В беседе с царем Пушкин не отрекся от дружеских связей с декабристами, напротив, он подчеркнул, что если бы он находился в Петербурге, то 14 декабря был бы на Сенатской площади. После двух часов беседы Николай сумел убедить Пушкина в своей приверженности реформам, а умело разыгранная сцена прощения и освобождение поэта от обычной цензуры внушили Пушкину радужные надежды, отзвук которых слышен в стихотворении 1826 «Стансы», где, призывая «милость к падшим», Пушкин ставит в пример Николаю Петру I, и в стихах 1827 «Во глубине сибирских руд...». Не случайно, что в день встречи с царем Пушкин закончил одно из лучших своих стихотворений — «Пророк».

Общество, подавленное репрессиями, боясь выражать свое недовольство прямо, находило отдушину в тех восторгах, которые расточало возвращенному из ссылки поэту. Пушкин находился на вершине славы.

Из Кремля Пушкин отправился к своему дяде В.Л. Пушкину, которого не видел с лицейских времен. Василий Львович был старостой литературного общества «Арзамас», куда входил и юный Пушкин. Пушкин привез с собой трагедию «Борис Годунов», законченную еще в 1825 в Михайловском. Впервые он читает ее в доме своего друга С.А. Соболевского 10 сентября 1826, а затем в доме молодого поэта, принадлежавшего к московскому кружку «любомудров», Д.В. Веневитинова. «Любомудры» представляли собой новый тип молодежи: умеренные в политике, преданные кабинетным занятиям, серьезные и молчаливые, они заслужили в Москве кличку «архивных юношей». Кроме того, во время этого приезда в Москву Пушкин бывает у поэта И.И. Дмитриева, друга Карамзина, у Дениса Давыдова, историка М.П. Погодина, З.А. Волконской. В ее аристократическом салоне он встречается с женой декабриста С. Волконского, дочерью Н. Раевского, с которой познакомился еще в 1820.

В Москве Пушкин встречается с великим польским поэтом А. Мицкевичем, у которого он бывает в гостях на Чистопрудном бульваре.

В это же время Пушкин активно сотрудничает с московскими журналами, в частности с «Московским телеграфом» Н. Полевого, и принимает участие в основании журнала «Московский вестник».

Пушкинская мысль постоянно обращалась к декабристам. В том же 1826 году, не боясь вызвать немилость царя, поэт пишет ободряющее послание своему ссыльному другу И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»).

В начале января 1827 Пушкин встретился с женой декабриста Никиты Муравьева Александрой Григорьевной, отправляющейся вслед за своим мужем в Сибирь. Пушкин передал Муравьевой стихотворное послание «Во глубине сибирских руд...», обращенное к находящимся на каторге декабристам. Он сказал ей тогда: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество, я не стоил этой чести».

Муравьева повезла в Сибирь и другое пушкинское стихотворение — «И.И. Пущину».

«В самый день моего приезда в Читку, — вспоминал Пущин, — призывает меня к частоколу А.Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на которой неизвестною рукой написано было: “Мой первый друг, мой друг бесценный!”».

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина. Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый раз посетил его в изгнание. Пушкину, верно, тогда не раз икнулось».

В это время Пушкин часто бывает в доме своего старого друга П.А. Вяземского, где его всегда принимали как одного из самых дорогих людей. Как и Пушкин, Вяземский тяжело переживал казнь пятерых декабристов. В доме Вяземских собирались близкие по духу люди, здесь Пушкин читал собравшимся, среди которых были поэт И.И. Дмитриев и один из основателей «Арзамаса» Д.Н. Блудов, трагедию «Борис Годунов».

Нередко поэта можно было встретить в Английском клубе, на Тверском бульваре — излюбленном месте прогулок московского дворянства. Известный городской сплетник А.Я. Булгаков писал брату в марте 1827:

«Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а дни такие весенние, что я поэта Пушкина видал на бульваре в одном фраке, но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы».

Особенно любил Пушкин бывать на народных гуляньях — под Новинским монастырем и в Марьиной роще. В отличие от «дворянского» Тверского бульвара, здесь царил атмосфера безудержного веселья — в праздничные дни тут гуляли все, без различия сословий.

Горожане, толпясь, прогуливались между устроенными балаганами, качелями и т. п. В последний день ярмарки народ «гулял даром» публике бесплатно предоставлялись «коньки» (карусели), «самокаты» (карусели с колясками).

На углу Волхонки и Ленивки жил один из крупнейших русских художников — Василий Андреевич Тропинин. Пушкин приходил позировать ему зимой 1827. Тропинин писал Пушкина в непринужденной обстановке — в халате, с заветным перстнем-талисманом на пальце. Портрет этот, написанный в тихой мастерской, из окон которой открывался вид на стены и башни Кремля, стал вершиной творчества В.А. Тропинина.

Любил Пушкин и московские театры. Так, 13 января он присутствует на первой постановке романтической трагедии А.А. Шаховского «Керим-Гирей, Крымский хан», переделанной из его поэмы «Бахчисарайский фонтан». Представление состоялось в Большом театре. Пушкин хвалил игру актера П.С. Мочалова, исполнявшего роль Гирея.

Пушкин также нередко появляется в Российском Благородном собрании — одном из наиболее оживленных мест, где собиралось московское дворянство. Здесь он знакомится с юной Екатериной Николаевной Ушаковой — дочерью статского советника Н.В. Ушакова. Поэт сразу же увлекся этой очаровательной, умной семнадцатилетней девушкой.

Весна ознаменовалась публикацией поэмы Пушкина «Цыганы». Спустя некоторое время, в июне 1827, выходит первое издание другой южной поэмы — «Братья разбойники». В октябре того же года опубликована III глава «Евгения Онегина».

В апреле Пушкин обращается к начальнику III отделения А.Х. Бенкендорфу с просьбой разрешить ему по семейным обстоятельствам приехать в Петербург. Разрешение было получено.

19 мая Пушкин покидает Москву и едет в Петербург, где не был семь лет, а в конце июля поэт уединяется в Михайловском. Продолжая работу над VII главой «Евгения Онегина», начатой еще в начале года, Пушкин обращается к недавним впечатлениям: иронически изображая московское дворянство, он вместе с тем с любовью рисует картины пестрого быта Москвы.

Этим же летом в Михайловском происходит другое важное событие в творчестве Пушкина — он обращается к прозе. Связано это со все нарастающим интересом поэта к русской истории, наметившимся уже в «Борисе Годунове». Теперь внимание и размышления Пушкина посвящены петровскому времени. Впервые поэт затрагивает тему Петра в 1826 в стихотворении «Стансы», где на примере великого предка Николая I преподает первый «урок царю». В Михайловском Пушкин начинает писать роман о петровской эпохе, работа над которым была прервана на VII главе. Поэт обращается к судьбе своего прадеда А. Ганнибала. Позднее роман будет публиковаться под не принадлежавшим Пушкину заглавием «Арап Петра Великого».

Не менее прекрасна была и лирика Пушкина 1827. В это время в его поэзии появляются такие шедевры, как «Ангел», «Талисман», «Соловей и роза», «Княгине З.А. Волконской» («Среди рассеянной Москвы...»).

Лицейское братство, дружба были для Пушкина так же святы, как любовь к отечеству или понятия чести. Другьям, после декабрьских событий оказавшимся вдали, посвящены стихотворения «Арион» и «19 октября 1827».

Появлению стихотворений предшествовал эпизод по дороге из Михайловского в Петербург. На станции Залазы среди партии арестантов, которых перевозили из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую, поэт встретил Кюхельбекера.

«Вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем, – записал он в дневнике. – “Вероятно, поляки?” – сказал я хозяйке. “Да, – отвечала она, – их нынче отвозят назад”. Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою... Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону».

Это была последняя встреча Пушкина с его лицейским другом.

Первые месяцы 1828 ознаменовались для Пушкина радостными событиями: в начале февраля вышли в свет IV и V главы «Евгения Онегина», в конце марта — VI. Кроме того, весной известный книготорговец и издатель А.Ф. Смирдин выпустил второе издание «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилу» с написанным в 1828 прологом к поэме («У лукоморья дуб зеленый...»).

В апреле Россия вступила в войну с Турцией. Пушкин, которому надоело сидеть на одном месте, рвался из Петербурга в дорогу. Но все поездки поэта могли осуществляться лишь с ведома императора. Поэтому Пушкин обращается к шефу жандармов Бенкендорфу с просьбой разрешить ему отправиться в действующую против турок русскую армию. Бенкендорф отказал. На следующий же день Пушкин направляет прошение о том, чтобы ему было позволено на полгода выехать в Европу, но снова получает отказ. А в июне постановлением Государственного совета над Пушкиным был установлен секретный надзор, который официально отменили лишь годы спустя после его гибели.

До конца октября Пушкин вынужден был находиться в Петербурге. Летом он увлекся А.Ф. Закревской (урожд. Толстой), женой графа А.А. Закревского, сначала финляндского, затем московского генерал-губернатора Эта «роковая» женщина стала своего рода легендой в светской жизни 1820-х.

Удивительное сочетание красоты, неукротимой страстности, легкомыслия, дерзкого, вызывающего нежелания считаться с условностями, с мнением света поражало и одновременно привлекало многих поклонников.

Аграфене Закревской Пушкин посвятил три необычайно емких стихотворения «Портрет», «Наперсник» и «Счастлив, кто избран своенравно...». Она станет прототипом Нины Воронской в VIII главе «Евгения Онегина» и Зинаиды Вольской в «Египетских ночах».

Тем временем Пушкин продолжает работу над поэмой «Полтава». В ней резкие антимантические выпады сочетаются с прославлением победоносного хода истории, который воплощается в образе Петра Великого.

19 октября Пушкин празднует лицейскую годовщину у своего товарища А.Д. Тыркова, а затем сразу же уезжает в Малинники — тверское имение П.А. Осиповой. Здесь он завершает «Полтаву» и VII главу «Евгения Онегина». О своей жизни в Малинниках он пишет в письме Дельвигу:

«Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно, жаль, что она хворает и все беспокоится».

6 декабря Пушкин приехал из Малинников в Москву. В Москве часто встречается с Погодиным, бывает в доме Ушаковых (в альбом Елизаветы Ушаковой он напишет стихотворение «Вы избалованы природой...»), у З.А. Волконской, у И.В. Киреевского и его матери А.П. Елагиной в их доме, знаменитой «республике у Красных ворот».

Киреевский писал в письме Соболевскому, жившему тогда в Италии:

«В Пушкине нашел еще больше, чем ожидал: такого мозга, кажется, не вмещает уже ни один русский череп, по крайней мере ни один из ощупанных мною».

Лирика Пушкина в этот год пополнилась великолепными стихами. Были написаны стихотворения «Друзьям», «Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный...», «Кобылица молодая...», «Не пой, красавица, при мне...», «Утопленник» — один из опытов обращения поэта к русскому фольклору, «Рифма, звучная подруга...» — размышление о природе поэзии, «Ворон к ворону летит...», «Анчар», «Цветок», наконец, «Поэт и толпа» — манифест самоценности поэзии и свободы художника и его вдохновения.

К этому же году относится увлечение Пушкина Анной Алексеевной Олениной. В доме президента Академии художеств А.Н. Оленина Пушкин бывал еще лицеистом и видел там «Анеточку-малютку», но теперь перед ним была двадцатилетняя красавица.

Чувство Пушкина к Олениной, чистое и возвышенное, вызвало к жизни многие прекрасные стихи: «Ее глаза», «Город пышный, город бедный...», «Зачем твой дивный карандаш...», «Увы! Язык любви болтливый...», «Ты и вы», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...») Пушкин даже сватался к Олениной, но безуспешно. После отказа поэт продолжал посвящать «Анете» стихи, в частности «Приметы» и гениальное восьмистишие «Я вас любил любовь еще, быть может...».

В конце 1828 в жизни Пушкина происходит одно из самых важных событий: будучи в доме Кологривовых на Тверском бульваре на балу, который давал известный московский танцмейстер П.А. Иогель, поэт познакомился с шестнадцатилетней Натальей Николаевной Гончаровой

Воспоминание о первой встрече с Пушкиным передала со слов Н.Н. Гончаровой ее дочь от второго брака А.П. Арапова:

«Наталье Николаевне Гончаровой только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта».

Путешествие в Арзрум. 1829

В первых числах января в доме графини Головкиной у своего старого знакомого, отставного полковника С.Д. Киселева, Пушкин читает «Полтаву». На чтении среди других были П.А. Вяземский и Ф.И. Толстой — «Американец», автор сплетни о том, что юного Пушкина высекли по приказу правительства. Пушкин готовился к дуэли с ним весь период южной и Михайловской ссылки. Черты этого знаменитого авантюриста узнаваемы в образе Зарецкого в VI главе «Евгения Онегина». Сразу по возвращении из ссылки в Москву Пушкин послал Ф. Толстому вызов через Соболевского, но тот сумел их помирить, а в 1828 прежние враги стали друзьями. Именно через Ф. Толстого поэт в 1829 сделал первое предложение Н. Гончаровой.

Вскоре Пушкин уезжает в Петербург. Об атмосфере петербургской жизни того времени он напишет Вяземскому:

«Я в Петербурге с неделю, не больше. Нашел здесь все общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, то есть на раутах, которые входят здесь в большую моду».

Получив в начале марта подорожную до Тифлиса и обратно, Пушкин, даже не спрашивая позволения Бенкендорфа, вскоре выезжает из Петербурга и отправляется на Кавказ, чтобы присоединиться к действующей русской армии.

Вспоминая, видимо, о своем первом кавказском путешествии вместе с Раевскими, поэт жаждал сильных и ярких новых впечатлений. К тому же в действующей армии находились многие знакомые Пушкина, сосланные туда по делу декабристов, в частности

его лицейский друг В.Д. Вольховский. Служил там и брат Пушкина Лев Сергеевич, и Н.Н. Раевский-младший, который командовал Нижегородским драгунским полком.

По пути на Кавказ Пушкин заехал в Москву. Месяцем ранее пришла весть об убийстве в Тегеране толпой фанатиков А.С. Грибоедова, русского посла в Персии и автора бессмертной комедии «Горе от ума», из-за чего многие московские знакомые Пушкина были обеспокоены тем, что он намеревался ехать на Кавказ.

Неделю спустя Пушкин был у Погодина на прощальном завтраке в честь А. Мицкевича. Великий польский поэт получил разрешение выехать за границу и приехал из Петербурга проститься со своими московскими друзьями. Он покидал Россию навсегда.

В тот же самый день вышло в свет второе издание I главы «Евгения Онегина» и поэма «Полтава».

Пушкин продолжает бывать и в доме Ушаковых, но мысли его были заняты юной Н. Гончаровой. Все думали, что он влюблен в Ушакову, но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон первой.

Семья Гончаровых была бедна. Отец, Николай Афанасьевич, страдал психическим расстройством, и все дела вела мать, Наталья Ивановна. Она отличалась жесткостью характера, деспотичностью. Это сказалось на ее дочери, робость и застенчивость которой отмечали многие.

Первого мая Пушкин через Толстого-«Американца» просил у Натальи Ивановны руки ее дочери и получил неопределенный ответ. Мать надеялась на более подходящую партию. Слабая надежда побудила Пушкина написать Наталье Ивановне:

«На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного, которому недоступно счастье. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души уволю образ небесного существа, обязанного вам жизнью».

В ту же ночь Пушкин выехал на Кавказ. Дорога на юг лежала через Воронеж, но Пушкин намеренно сделал крюк и поехал через Калугу и Белев на Орел, чтобы повидать там генерала А.П. Ермолова, который командовал русскими войсками на Кавказе и покорил многие горские народы. Далее путь Пушкина лежал через Елец, Новочеркасск, Ставрополь, Георгиевск, Екатеринослав, Владикавказ и Ларс. В Георгиевске поэт начал писать «Путешествие в Арзрум». К этому же времени относятся стихи «На холмах Грузии...» и «Калмычке».

Появлению последнего стихотворения предшествовало дорожное впечатление, которое Пушкин также записал:

«На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, курия табак. Я сел подле нее. “Как тебя зовут” — ***. — “Сколько тебе лет?” — “Десять и восемь” — “Что ты шьешь?” — “Портка” — “Кому?” — “Себя”. Она подала мне свою трубку и стала завтракать... Калмыцкое кокетство испугало меня, я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи».

В конце мая Пушкин добирается до Тифлиса, где был радушно принят в местном обществе. А неделю спустя через горные перевалы, верхом, он отправляется из Грузии в Армению.

По дороге из Тифлиса произошел эпизод, описанный Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»:

«Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” — спросил я их. “Из Тегерана”. — “Что вы везете?” — “Грибоеда”. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

Пушкин высоко ценил талант и личностные качества А.С. Грибоедова.

«Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие — все в нем было необыкновенно привлекательно. Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя была мгновенна и прекрасна».

Добравшись до лагеря действующей армии, Пушкин мужественно делил все тревоги и неудобства военного походного быта, даже участвовал в кавалерийской атаке на турок. Его путевой дневник полон зарисовок, имеющих не только художественную, но и значительную историко-этнографическую ценность, касающихся быта, нравов и поверий кавказских народов.

В середине июля в Арзруме началась эпидемия чумы. Покидая эти места, Пушкин побывал в лагере зачумленных. Позже этот мотив появится и в пьесе «Пир во время чумы», и в стихотворении «Герой». Заехав на несколько дней в Тифлис, он отправился через Владикавказ и Горячеводск в Москву.

По дороге он был застигнут в горах бурей, а наутро ему открылся Казбек, через вершину которого перетягивались тучи, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца. Эти впечатления лягут в основу стихотворения «Монастырь на Казбеке».

По приезде в Москву Пушкин посетил Гончаровых. Прием был холодным. Вспоминая этот эпизод, Пушкин писал Н.И. Гончаровой:

«Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объяснить, — я уехал в Петербург в полном отчаянии».

В Петербурге поэта ждали тягостные объяснения с Бенкендорфом, через которого Николай I выразил Пушкину неудовольствие по поводу его самовольной поездки на Кавказ. Пушкин вынужден был оправдываться:

«Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво, но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости».

В 1829 были написаны многие лучшие стихи Пушкина. Среди них — «Подъезжая под Ижоры...», «Жил на свете рыцарь бедный...», «Сапожник», «Дорожные жалобы», «Зима. Что делать нам в деревне?», «Зимнее утро», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Кавказ», «Обвал», «Воспоминания в Царском Селе» и «Я вас любил: любовь еще, быть может...». Приближался 1830 год — один из самых насыщенных в жизни поэта, год Болдинской осени.

Болдинская осень. 1830

С 1 января 1830 в Петербурге начала выходить «Литературная газета». Основателем ее был А. Дельвиг, а постоянными сотрудниками — А. Пушкин, П. Вяземский и Орест Сомов. Газета выходила раз в пять дней. Главной ее целью стало воспитание вкуса и чувства прекрасного у читателя.

Оппонентами «Литературной газеты» были Ф. Булгарин с его «Северной пчелой», Н. Полевой, редактор «Московского телеграфа», и Н. Надеждин, издатель журнала «Телескоп».

Пушкин и его друзья получили от своих противников ярлык «литературных аристократов». Их обвиняли и в высокомерии, и в верности духу дворянской независимости, и в оппозиционности престолу.

В защиту «литературной» и исторической русской аристократии, «игрою счастья обиженных родов», выступил и Пушкин. Для него аристократия с ее древними свободолюбивыми традициями, идущими еще от Андрея Курбского, была антиподом высокопоставленной чиновной бюрократии нового времени. Отголоски пушкинских споров с журналистами-демократами слышатся в известном стихотворении «Моя родословная».

Булгарин для устранения опасного противника, с которым он был бессилен соперничать в литературной полемике, действовал своими привычными средствами — доносами и обвинениями в неблагонамеренности.

В первых числах ноября Дельвига вызвал Бенкендорф. Отбросив все приличия, шеф жандармов орал на издателя «Литературной газеты», говорил с ним на «ты», не слушая объяснений, выгнал его из кабинета, пообещав упрятать в Сибирь вместе с Пушкиным и Вяземским. А 15 ноября 1830 «Литературная газета» была запрещена.

Пушкин редактировал «Литературную газету» лишь первые месяцы ее существования. В начале марта поэт выехал в Москву — он уже давно тосковал по своим московским друзьям.

В Москве в день своего приезда Пушкин был на концерте в Благородном собрании, где встретил Н.Н. Гончарову.

Шестого апреля, в первый день Пасхи, Пушкин еще раз делает предложение Н.Н. Гончаровой, которое на этот раз было принято. Перед тем как идти просить руки, Пушкин одолжил фрак у одного из ближайших своих московских друзей — Павла Воиновича Нащокина. Свое удачное сватовство поэт приписывал «счастливому» нащокинскому фракту. Нащокин подарил его Пушкину, и тот надевал фрак всегда, когда предстояло какое-либо важное событие.

Получив согласие со стороны невесты и ее матери, Пушкин обращается за благословением к своим родителям.

Поскольку родители невесты высказывали опасения относительно политической репутации жениха, Пушкину пришлось обратиться к Бенкендорфу с просьбой удостоверить его благонадежность:

«Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя. Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уж питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность».

В том же письме Пушкин просит позволить ему опубликовать «Бориса Годунова» без купюр.

Шеф жандармов ответил поэту, что император «с чувством благосклонного удовлетворения» узнал о намерении Пушкина жениться. В том же письме давалось разрешение издать «Бориса Годунова» полностью.

В Москве Пушкин, как обычно, посещал многих своих друзей и знакомых. Перед помолвкой, в апреле, он часто бывал в доме А.Ф. Малиновского. Пушкин знал его еще в детские годы. Алексей Федорович, начальник Московского архива Коллегии иностранных дел, родной брат первого директора Лицея, был добрым знакомым родителей поэта и частым гостем в их доме.

В судьбе Пушкина самое живое участие приняли жена Малиновского Анна Петровна и его дочь Екатерина Алексеевна. Будучи хорошей приятельницей Натальи Ивановны Гончаровой, матери невесты, Анна Петровна вместе с дочерью провела в ее доме немало времени, хлопоча за Пушкина, склоняя выбор в его пользу. На свадьбе Пушкина А.П. Малиновская была посаженной матерью со стороны невесты.

Шестого мая состоялась официальная помолвка Пушкина с Н.Н. Гончаровой. Свадьба и семейная жизнь требовали расходов, а финансовые дела родителей невесты были расстроены, семья поэта также была в долгах. В конце мая Пушкин на несколько дней вместе с Н.Н. Гончаровой едет в калужское имение ее деда А.Н. Гончарова Полотняный Завод, чтобы уладить дела с приданым. Вернувшись оттуда в Москву, он пишет письмо Бенкендорфу, в котором просит императора разрешить переплавку медной статуи Екатерины II, находящейся в имении, с целью продажи меди. Разрешение было дано.

Все лето 1830 Пушкин пытался привести в порядок имущественные дела. Наконец Сергей Львович с трудом сумел выделить сыну во владение деревню Кистеневку с двумястами душами крестьян, что находилась в Нижегородской губернии рядом с имением Болдино.

В августе Пушкин вновь приехал в Москву, где посетил умирающего дядю. После смерти Василия Львовича денежные дела Пушкина осложнились еще больше. К тому же

по причине траура свадьба откладывалась на длительный срок. В довершение неприятностей участились размолвки между Пушкиным и матерью его невесты. В конце августа они серьезно поссорились. Тяжелое расположение духа и раздражение по поводу произошедшего отразились в письме Пушкина Наталье Николаевне:

«Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить... Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

В смутном настроении поэт в последних числах августа покидает Москву и едет в Болдино.

Пушкин рассчитывал за месяц управиться с делами, заложить деревню и вернуться в Москву, чтобы справить свадьбу. Ему было немного досадно, оттого что лучшее его рабочее время — осень — пропадет в хлопотах о приданом. Пушкин хотел венчаться без приданого, но мать невесты не могла этого допустить, и тогда поэту пришлось самому доставать деньги на приданое, которое он якобы получал за невестой.

Перспектива потерять для творчества заветное время омрачала настроение поэта. Работать было необходимо, работать хотелось, но обстоятельства складывались так, что времени на работу не было. Не случайно первыми стихотворениями по приезде в Болдино стали «Бесы», где его смятение и тревога воплощены в образе мятущейся снежной стихии, и элегия «Безумных лет угасшее веселье...».

Вскоре пришло письмо от Натальи Николаевны, в котором она соглашалась выйти замуж за Пушкина и без приданого. Поэт был несказанно обрадован, однако тогда же возникло обстоятельство, воспрепятствовавшее его скорому возвращению в Москву. О нем Пушкин писал в своем ответном послании:

«Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство. Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. У нас в окрестностях — Cholera morbus¹ (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать».

Холера задержала Пушкина в Болдине не на двадцать дней, как он предполагал, а на три месяца. Ощущение смертельной опасности пробудило в Пушкине неодолимую жажду творчества.

Москва также была охвачена холерой. Пушкин полагал, что Гончаровы покинули город, однако, узнав о том, что его невеста остается в Москве, поэт был не на шутку взволнован, но его попытка прорваться сквозь холерные кордоны в Москву оказалась безуспешной.

От друзей Пушкин узнавал новости, в частности о приезде Николая I в первопрестольную в самый разгар эпидемии. Поступок императора был воспринят Пушкиным как проявление отваги и милосердия. В конце октября поэт пишет и тайно переправляет Погодину с просьбой не объявлять его имени стихотворение «Герой», в основу которого положено историческое предание о посещении Наполеоном чумного госпиталя в Яффе. Желание скрыть авторство было вызвано тем, что Пушкин боялся и тени подозрения в лести, — открыто высказывая свое несогласие с правительством, одобрение он предпочитал выражать анонимно.

В Болдине был написан целый ряд стихотворений, таких прекрасных образцов антологической лирики, как «Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд», «На перевод Илиады»; кроме них — «Ответ анониму», «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», где быт и повседневность провозглашаются полноправным предметом

¹ холера смертельная — *лат.*

поэзии, «Я здесь, Инезилья...», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «В начале жизни школу помню я...», «Для берегов отчизны дальней...» и другие.

Впервые после «Арапа Петра Великого» Пушкин вновь обращается к прозаическим опытам. В отличие от первого незаконченного романа, на этот раз им был написан завершённый цикл — «Повести Белкина», где он ввел в русскую прозу условный образ повествователя, от лица которого ведется рассказ. Пять «Повестей Белкина» — «Гробовщик», «Барышня-крестьянка», «Метель», «Выстрел» и «Станционный смотритель» — определили развитие русской прозы XIX столетия.

Обратившись к изображению героев обыкновенных, введя картины повседневного русского быта, Пушкин в значительной степени повлиял на творчество Н.В. Гоголя. А неоконченная повесть «История села Горюхина», которую Пушкин начал писать в ноябре, проложила прямой путь к щедринской «Истории одного города». Отличительное свойство пушкинской прозы — удивительная точность в воссоздании жизненных ситуаций по ходу развития сюжета, в изображении характеров и быта

Соединение тишины досуга и тревожного напряжения в предчувствии приближения грозных событий выплеснулось неслыханным даже для Пушкина творческим подъемом. Вслед за «Гробовщиком» и «Барышней-крестьянкой» написан ряд стихотворений и две последние (VIII и XIX) главы романа «Евгений Онегин».

Женитьба. 1831

Пушкин, как и многие его московские друзья, любил бывать у цыган, живших в маленьких деревянных домиках в районе Грузинской слободы и на Большой Садовой, и слушать их пение. Певица Татьяна Демьянова вспоминала:

«Романсов мы тогда мало пели, все больше русские песни, народные. Стеша, покойница... так та, бывало, как запоет: “Не бушуйте вы, ветры буйные” или “Ах, матушка, голова болит”, без слез слушать ее никто не мог».

На Большую Садовую и приехал Пушкин встречать Новый год, о чем писал Вяземскому:

«Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную...»

В январе Пушкин получил одно из самых горестных в своей жизни известий. В Петербурге от гнилой горячки умер Дельвиг. В письме Плетневу (от 21 января 1831) Пушкин писал:

«Вот первая смерть, мною оплаканная... никто на свете не был мне ближе Дельвига... Без него мы точно осиротели».

Тем временем поэт продолжал готовиться к свадьбе. Венчание неоднократно откладывалось. Наконец день был назначен. Пушкин снял квартиру на Арбате на втором этаже в доме, принадлежавшем чиновнику Хитрово. Сын Вяземского, Павел Петрович, вспоминал о «щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными... обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками...». За день до свадьбы, 17 февраля, Пушкин устроил у себя «мальчишник» — прощание с холостяцкой жизнью. Друзья вспоминали: «Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко .

18 февраля в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот состоялось венчание Пушкина с Н.Н. Гончаровой. По возвращении из церкви в арбатской квартире Пушкиных отпраздновали свадьбу. Первые дни после свадьбы Пушкины проводят в многочисленных визитах и встречах. 20 февраля они — на балу у А.М. Щербининой; 1 марта, на масленицу, участвуют в катании на санях, а 27 февраля сами принимают гостей у себя дома. Об этом вечере А.Я. Булгаков, бывший в числе приглашенных, сообщал в письме своему брату:

«Пушкин славный задал вчера бал... Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось. Ужин был славный, всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство».

22 февраля Пушкин с Натальей Николаевной побывали в Большом театре на благотворительном маскараде в пользу пострадавших от эпидемии холеры.

В своей квартире на Арбате Пушкины прожили до 15 мая. За это время поэт почти не писал. Им безраздельно владело столь новое для него чувство семейного счастья и полноты бытия.

В это время поэт встречается с М.Ф. Орловым, одним из лидеров «Союза благоденствия», который после разгрома восстания на Сенатской площади был заключен в Петропавловскую крепость.

В середине мая Пушкин с женой выехали из Москвы в Петербург. По приезде они поселились в Демутовом трактире, а через несколько дней переехали в Царское Село. В Царском Селе, в доме Китаева на Колпинской улице, Пушкины прожили до середины октября. Поэт часто встречался с Жуковским, жившим в то лето неподалеку, и с Гоголем, с которым познакомился еще в мае в Петербурге. Во время пребывания в Царском Селе Пушкин написал «Сказку о царе Салтане», а Жуковский — «Сказку о царе Берендее», «Спящую царевну» и «Войну мышей и лягушек».

В середине октября Пушкины вернулись в Петербург. В это время вышли в свет «Повести Белкина», а через месяц в альманахе «Альциона» был опубликован «Пир во время чумы».

14 ноября Пушкина вновь зачисляют на службу в Коллегию иностранных дел с жалованьем 5 000 рублей в год. Еще в июле поэт просил Николая I разрешить ему работать в государственных архивах для составления истории Петра I и получил разрешение.

В начале декабря Пушкин едет в Москву по своим денежным делам. Поэт остановился у старого друга, Нащокина. Нащокин был сыном военачальника екатерининских времен, известного вспыльчивостью и крутым нравом, попавшего в опалу императрицы за пощечину ее любимцу А.В. Суворову. Пушкин любил записывать рассказы Нащокина о его отце и нравах прошлого столетия. Будучи человеком умным, благородным и добрым, Нащокин вместе с тем вел крайне беспорядочную жизнь. Пушкин в письме жене так описывает обстановку в его доме:

«С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно займодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужна; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать?»

Широко известен анекдот о том, как Нащокин заказал лучшим мастерам двухэтажный кукольный дом с миниатюрной обстановкой. Об этом Пушкин сообщал Наталье Николаевне в своих письмах. 22 декабря Пушкин покидает Москву и возвращается в Петербург.

Новая жизнь. 1832

В январе вышли в свет последняя, VIII глава «Евгения Онегина» и третья часть «Стихотворений Александра Пушкина». В январе же Бенкендорф объявил Пушкину, что помимо обычной цензуры каждое новое произведение поэт должен будет показывать теперь ему. Вскоре Пушкину пришлось давать письменные объяснения Бенкендорфу по поводу публикации стихотворения «Анчар», пропущенного цензурой, но без ведома начальника III отделения. Поэт писал генералу:

«Сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions и затруднительности — а обвинения в применениях и подражаниях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие».

19 мая у Пушкиных родилась первая дочь — Мария Александровна. Пушкин писал об этом в письме от 4 июня В.Ф. Вяземской:

«Представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на всё свое самомнение».

В июне Пушкин получил разрешение на издание собственной газеты. Пушкин думал назвать газету «Дневник». О программе будущего издания поэт писал Погодину:

«Какую программу хотите Вы видеть? Часть политическая — официально ничтожная; часть литературная — существенно ничтожная; известие о курсе, о приезжающих и отъезжающих: вот вам и вся программа».

Кроме Погодина, Пушкин хотел привлечь к сотрудничеству Киреевского, Языкова и других литераторов. Но впоследствии разрешение было отменено, и газета так ни разу и не вышла.

Гоголь писал об этом:

«Виделся с Пушкиным. Газеты он не будет издавать, — и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком».

17 сентября Пушкин выехал из Петербурга в Москву, где пробыл до 10 октября. Сразу по приезде Пушкин навестил Нащокина. Вместе они побывали в бане, заказав там отдельный номер, чтобы поговорить в полной уверенности, что их никто не подслушивает. Пушкин вообще любил московские бани с их неповторимой атмосферой раскованности и свободных дружеских бесед.

27 сентября вместе с товарищем министра народного просвещения С.С. Уваровым Пушкин посетил Московский университет, где слушал лекцию профессора И.И. Давыдова, посвященную «Слову о полку Игореве».

Вот как вспоминает об этом И.А. Гончаров, будущий автор «Обломова» и «Обыкновенной истории», тогда — студент Московского университета:

«Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию... Этот гений, эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам».

Вернувшись в Петербург, Пушкин начал писать роман «Дубровский». Основой для его сюжета стала подлинная история дворянина Островского, рассказанная поэту Нащокиным. Первоначально Пушкин думал назвать свой роман этим именем. В письме Нащокину он сообщал:

«Первый том “Островского” кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение... Я написал его в две недели...»

Роман был дописан до XIX главы и остался незавершенным.

Поэт начал работать над пьесой «Русалка», написал несколько прекрасных стихотворений, таких, как «Мальчику (Из Катуллы)», «Гнедичу», «Красавица».

«История Пугачева». 1833

В январе Пушкин продолжил работу над «Дубровским», последние строки которого помечены 6 февраля. Тогда же он делает первые наброски «Капитанской дочки». Начало работы над этим романом стало прологом деятельности Пушкина-историка. Его интерес к XVIII столетию проявился и раньше. Теперь он вплотную начинает заниматься эпохой Петра I и Екатерины II, пугачевским бунтом и суворовскими походами. Скрупулезно изучая исторические документы, Пушкин работает над «Историей Пугачева», продолжает опыт художественного исследования эпохи в «Капитанской дочке».

Вместе с Натальей Николаевной Пушкин часто бывает на балах и приемах. Кажется, он ведет беззаботную жизнь светского человека. А его огромная работа проходит

в тайне даже от самых близких друзей и знакомых. В начале февраля Гоголь пишет Данилевскому:

«Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не заташат его в деревню».

Но это была лишь видимость. За первые месяцы 1833, кроме прозы Пушкин пишет несколько прекрасных стихотворений. В феврале был опубликован «Домик в Коломне», а в конце июня впервые целиком вышел в свет «Евгений Онегин».

К тому времени поэт вместе с семьей перебирается Петербурга на дачу, которую снимает на Черной речке. 6 июля у Пушкиных рождается второй ребенок — сын Александр.

Для завершения «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» Пушкину необходимо было побывать на месте событий, побеседовать с очевидцами и участниками, познакомиться с материалами из местных губернских архивов. К тому же у него были дела, связанные с нижегородским имением Болдино, которое находилось вблизи тех губерний, куда отправлялся поэт. А кроме того, он надеялся провести хотя бы два месяца в уединении, чтобы спокойно поработать.

В конце июля Пушкин через Бенкендорфа испрашивает у царя отпуск на несколько месяцев и разрешение посетить Оренбургскую и Казанскую губернии. На вопрос государя о целях его поездки Пушкин отвечал:

«В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую... Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани. И вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии».

Получив разрешение, в середине августа Пушкин с семьей возвращается в Петербург, а 18 августа отправляется в долгожданное путешествие.

Первым городом на пути был Торжок. Пушкин не преминул побывать в трактире Пожарского, славившемся знаменитыми «пожарскими» котлетами, которые готовила по собственному рецепту русская красавица хозяйка Дарья Пожарская.

Пробыв в Торжке сутки, Пушкин отправился на следующий день в Ярополец — подмосковное наследственное имение Н.И. Гончаровой, матери Натальи Николаевны.

В Москву Пушкин приехал 25 августа. Коляска, разбитая на скверных дорогах, требовала починки, и Пушкину пришлось задержаться на несколько дней.

На 26 августа приходился день ангела Натальи Николаевны, на следующий — день ее рождения. Праздновали целый день. Пушкин сообщал жене:

«Вечер у Нащокина, да какой вечер! Шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами — и все за твоё здоровье, красота моя».

Московские впечатления Пушкин описывал так:

«Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три солопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов».

29 августа, после прощального обеда «со стерлядями и жженкой», устроенного Нащокиным, Пушкин выехал в Нижний Новгород.

По приезде он был приглашен к нижегородскому губернатору генералу М.П. Бутурлину. Л.П. Никольская, местная помещица, вспоминала:

«У Бутурлиных обедал молодой человек. Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы — вообще, неправильные черты. Но что у него было великолепного — это темно-серые с синеватым отливом глаза — большие, ясные. Я никогда не видела лица более выразительного».

Из Нижнего Новгорода Пушкин отправился в Казань, где произошла встреча с Е.А. Баратынским, приехавшим по делам. Тот представил Пушкина профессору Казанского университета К.Ф. Фуксу — замечательному знатоку истории города. Вместе они ездили к старому казанскому купцу Л.Ф. Крупенникову, очевидцу пугачевщины, которому в юности пришлось побывать в плену у мятежников и чье добро было ими разграблено.

В тот же день Пушкин осматривал окрестности Казани, где происходили бои правительственных войск и горожан с пугачевцами. Рассказ об этих событиях он записал днем раньше со слов казанского старожила В.П. Бабина:

«Пугачев с Арского поля послал сволочь свою на 3-ю гору или на немецкое кладбище. Там находилась суконная слобода. Фабриканты разного были звания, стрельцы, мещане etc. Башкирцы пустили в них стрелами, словно хмелем. Тут была одна чугунная пушка, ее разорвало, канонера убило — едва успели раз выпалить. Пугачев запретил колоть народ, но башкирцы его не слушались. Казанка запружена была телами жителей, гонимых в лагерь. Кудрявцев, столетний старик, на носилках вынесен был в церковь, близ его загородного дома находившуюся. Он был забит нагайками».

Ранним утром 8 сентября Пушкин выехал из Казани в Симбирск. С этим городом поэта связывало многое. В разное время здесь жили дорогие ему люди — Н.И. Тургенев, А.И. Тургенев, Н.М. Языков, И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин. Кроме того, именно через Симбирск в 1774 Пугачева в клетке везли в Москву. Пушкин посетил родовое имение Языковых. Он писал жене:

«Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел [с ним] вечер и оставил его для тебя, а теперь оставляю тебя для него».

От П.М. Языкова (старший брат Н.М. Языкова), по некоторым сведениям, Пушкин получил в подарок один из списков рукописного труда академика П.И. Рычкова об осаде пугачевцами Оренбурга, который впоследствии был использован им в прозаических произведениях. По дороге в Оренбург непредвиденное обстоятельство заставило Пушкина повернуть обратно.

«Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой».

До Оренбурга Пушкин добрался 18 сентября. Здесь он встретился с В.И. Далем, который поведал много интересного о пугачевщине — и об осаде Оренбурга, и о выстрелах в город из пушки медными ядрами вместо картечи и о «золотых палатах» — «царском дворце» Пугачева, выдававшего себя за покойного императора Петра III, о его столице — слободе Берды («дворец» на самом деле был обычной крестьянской избой, обитой медной латуней). Даль вспоминает:

«Пушкин слушал все это с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: “Как я давно не сидел на престоле!” В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал...»

В конце сентября Пушкин приехал в Болдино, где провел около полутора месяцев. Здесь сложились две новые сказки — «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» поэма «Анджело», а кроме того, несколько лирических шедевров, таких как вольные переложения баллад Мицкевича «Будрыс и его сыновья» и «Воевода», стихотворения «Осень», «Не дай мне Бог сойти с ума...», «Когда б не смутное влеченье...».

Но главным событием Болдинской осени 1833 стала поэма (или, как назвал ее Пушкин, «Петербургская повесть») «Медный всадник». Здесь новое осмысление обрел не только образ Петра но и его преобразовательная деятельность. Это было страшным упреком самодержавию.

В середине ноября Пушкин выехал из Болдина в Петербург. По дороге он остановился в Москве у Нащокина.

«Он пробыл здесь только три дня, – сообщал в письме Н.М. Языкову И.В. Киреевский, – и никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене».

В Петербурге Пушкин встречается со своими старыми друзьями. 3 декабря он записывает в дневник:

«Вчера Гоголь читал мне сказку “Как Иван Иванович поспорил с Иваном Тимофеевичем” — очень оригинально и очень смешно».

Три дня спустя Пушкин пишет письмо Бенкендорфу с просьбой представить рукопись «Истории Пугачева» на рассмотрение государя. С шефом жандармов поэту пришлось встретиться 12 декабря. О причине встречи можно узнать из дневника:

«Мне возвращен “Медный всадник” с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшею цензурою...»

Высочайшее чутье сработало безошибочно: было угадано главное слово. Поэма вышла только после смерти Пушкина, в 1837 году в 5-м томе журнала «Современник», с цензурными изменениями.

В придворном плену. 1834

С 1834 начинается придворная жизнь Пушкина, в значительной степени тяготившая его. Все более сковывается его воля, свет и двор заявляют свои права на душу и интересы поэта.

В первый день нового года Пушкин с горькой иронией записывает в своем дневнике:

«Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове... Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике».

Новый год поэт встретил у Н.К. Загряжской, бывшей фрейлины императрицы Елизаветы Петровны, а затем Екатерины II, живой истории двух дворов XVIII столетия. Там ему довелось беседовать с М.М. Сперанским, выдающимся деятелем эпохи Александра I, одним из самых замечательных русских либералов-реформаторов, пережившим к тому времени и опалу, и отставку, и ссылку. О своих впечатлениях Пушкин писал:

«В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гений Зла и Блага*. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени».

Новейшая история становится теперь предметом постоянных размышлений Пушкина. Он пишет:

«Покойный государь [Александр I] окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины».

17 января состоялось представление Натальи Николаевны ко двору, а 23 Пушкин был зван на бал в Аничковом дворце, куда приехал в мундире. Когда ему сказали, что гости должны быть во фраках, он уехал, чем вызвал неудовольствие императора.

Вскоре произошло событие, ставшее роковым для Пушкина. 26 января он записал в своем дневнике:

«Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет».

Так впервые поэт услышал и мимоходом упомянул это...

Пушкин рассказывал, что некая гадалка по фамилии Кирхгоф еще в 1818 году предсказала ему будущую славу, но и возможную раннюю гибель, прибавив:

«На 37-м году жизни берегись белого человека, белой лошади или белой головы».

Отзвуки того предсказания звучат в «Песни о вещем Олеге». Но вряд ли подобные мысли могло вызвать тогда у Пушкина появление в Петербурге очередного белокурого корнета в белом кавалергардском мундире...

Жорж Дантес был определен в чине корнета в Кавалергардский полк. Сын эльзасского барона, ярый роялист, во время июльской революции 1830 года во Франции 18-летний Дантес сражался на стороне Карла X. После его поражения он эмигрировал и решил поступить на русскую службу. По дороге в Россию он познакомился с голландским дипломатом бароном Геккерном, который привязался к нему и оказал значительную помощь в Петербурге, а позже, в 1836, усыновил.

Вот как рисует Дантеса человек, знавший его:

«...Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек неглупый и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда».

В феврале Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой выдать ему взаймы из казны 20 000 рублей на печатание «Истории Пугачева». В марте деньги были получены, и в 3-м номере «Библиотеки для чтения» вышла «Пиковая дама». В апрельских записях дневника Пушкин появляются строки:

«Моя “Пиковая дама” в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза».

В конце года оба тома «Пугачева» увидели свет.

В середине апреля Наталья Николаевна вместе с детьми отправилась из Петербурга в Москву, а оттуда в начале мая — в Ярополец, погостить у матери. Пушкин писал жене почти каждые два дня, иногда даже по два письма в день.

По случаю празднования совершеннолетия цесаревича (будущего Александра II) Пушкин как камер-юнкер должен был присутствовать на торжестве, но не явился. Наталье Николаевне он писал:

«Репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику я являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей; первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку, второй меня не жаловал, третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут».

Письмо было перлюстрировано полицией и доставлено императору; тот с негодованием показал его Жуковскому, бывшему тогда воспитателем наследника. Жуковский сумел успокоить разгневанного самодержца и рассказал обо всем Пушкину. Поэта глубоко возмутило беззастенчивое вмешательство в его частную жизнь.

25 июня Пушкин подает Бенкендорфу просьбу об отставке, но с тем, чтобы ему разрешили по-прежнему работать в архивах. В ответ ему было сообщено, что на службе не удерживают, но посещать архивы дозволить не могут.

Стремление Пушкина выйти в отставку, вырваться из Петербурга отразилось в прекрасном стихотворении «Пора, мой друг, пора!...». Поэт был в отчаянии, поскольку работа его была невозможна без изучения исторических документов.

Желая помочь другу, В.А. Жуковский взялся хлопотать за Пушкина перед государем. О результатах он сообщал:

«Вот что он [Николай I] отвечал на мой вопрос: “Нельзя ли этого поправить?” — “Почему ж нельзя. Он может взять назад письмо свое, я никого не держу, но раз в отставке, все между им и мною кончено”».

Пушкин написал Бенкендорфу два письма, где брал назад свое прошение об отставке и вместо нее просил о предоставлении ему отпуска, который получил в середине августа.

«Прошедший месяц был бурен, — записал поэт в дневнике. — Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. Однако это мне не пройдет».

В конце августа Пушкин поехал в Полотняный Завод — калужское имение Гончаровых, где находилась тогда Наталья Николаевна с детьми и сестрами. Пробыв там две недели, он с женой и свояченицами заехал на несколько дней в Москву.

Москва к тому времени утратила значение неофициальной столицы независимого дворянства. Пушкин работал над большой статьей «Путешествие из Москвы в Петербург».

«Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и дешевому хлебосольству. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники — все исчезло».

10 сентября оставив семью в Москве Пушкин уехал в Болдино, где прожил около месяца. Жене Пушкин писал:

«Скучно, ангел мой. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер Скотта и Библию а все об вас думаю».

В Болдине Пушкин закончил «Сказку о золотом петушке».

Тем временем в свет вышла книга «Повести, изданные Александром Пушкиным», куда вошли «Повести Белкина», «Две главы из исторического романа» и «Пиковая дама».

Двадцать третью годовщину со дня основания Лицея Пушкин отметил у своего однокурсника М.Л. Яковлева — директора типографии II отделения соб. е. в. канцелярии, где в это время печаталась «История Пугачева».

Пушкин перелагает на русский язык «Песни западных славян», опубликованные в 1827 в Париже в сборнике «Гузла». Этот сборник был написан мастером мистификации профессором Мериме на основе мотивов славянского фольклора. Многие, в том числе и Пушкин, поверили в подлинность песен сборника Мериме.

«Передайте Пушкину мои извинения, — писал Мериме, — Я горжусь и стыжусь вместе с тем что и он попался».

Последние годы. 1835–1836

С начала года Пушкин усиленно работает над «Историей Петра». Он изучает архивные материалы и документы, инспектирует многочисленные источники, в частности девятитомный труд И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России», изданный в конце XVIII столетия.

Новый год ознаменовался для поэта значительным числом публикаций. В «Библиотеке для чтения», кроме «Песен западных славян», были напечатаны «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке». Вышли в свет «Поэмы и повести Александра Пушкина». Наконец, в сентябре была опубликована четвертая часть «Стихотворений».

Но вместе с тем было немало и огорчений. Все чаще поэт сталкивался с непониманием современников, причину которого он видел в том, что «понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно,

живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни».

История Пугачева была встречена многими враждебно. Так, И.И. Дмитриев писал Пушкину из Москвы:

«Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам довольно смешным, но никогда дельным: одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению. Нужды нет, что осталась бы прореха в русской истории; другие, и, к сожалению, большая часть лживых романиков, желали бы, чтоб “История” ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами смирдинской школы и чтобы была гораздо погрузнее».

Пушкин в ярости отмечает:

«В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении».

Материальное положение семьи становится все более затруднительным. Пушкин ищет возможность спокойно писать в деревне и заняться издательской деятельностью. На сей раз Николай предложил Пушкину 10 000 рублей и шестимесячный отпуск. Но этого было явно недостаточно, чтобы выйти из положения с долгами. 26 июля в письме Бенкендорфу Пушкин попросил выдать ему 30 000 рублей в счет жалованья — для выплаты долгов чести. Государь согласился. С середины июня Пушкин снимает дачу на Черной речке, где проводит лето вместе с семьей, а в начале осени снова едет в Михайловское. Здесь он прожил два месяца, часто посещал его окрестности — Тригорское и Голубево.

«Я много хожу, — писал жене Пушкин, — много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист, и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7». «Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю».

И в другом письме:

«В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком».

Этим же настроением было проникнуто стихотворение, написанное Пушкиным на следующий день, «Вновь я посетил...» — один из немногочисленных примеров обращения поэта к белому стиху в лирике.

По возвращении из Михайловского Пушкин обнаружил дома письмо Гоголя. Тот сообщал:

«Начал писать “Мертвых душ”. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон... Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее черта. Ради Бога. Ум и желудок мой оба голодают».

Замыслы буквально переполняли Пушкина, и он щедро делился ими. План комедии о человеке, которого приняли в провинции за важного чиновника, поэт уступил Гоголю как в свое время — сюжет «Мертвых душ». Так появился «Ревизор». В следующем году пьеса была поставлена в Петербурге.

1835 год отмечен шедеврами пушкинской лирики. Некоторые из них заслуживают особого внимания. Так, стихотворение «Полководец» стало размышлением о судьбе военачальника 1812 года М. Барклая де Толли, спасшего вверенную ему русскую армию во время отступления и не заслужившего за это ничего, кроме всенародной неблагодарности и оскорблений. Его мудрая осторожность была воспринята как трусость

и предательство. Поэт приносил покаяние перед памятью Баркляя де Толли за своих слепых соотечественников.

Другое стихотворение, «Пир Петра Первого», продолжает традицию русской литературы XVIII столетия — «урока царям». Рисуя пир Петра Великого по случаю примирения с опальным подданным, Пушкин словно бы ставил его в пример императору Николаю I, как однажды уже сделал это в «Стансах». Поэт вновь попытался пробудить в царе милосердие к осужденным декабристам. Этой же мыслью проникнута и заключительная глава «Капитанской дочки», где Екатерина II, бабка Николая I, прощает главного героя...

С евангельским подходом к жизни связано и стихотворение «Странник». Оно было написано на основе сюжета книги английского писателя Джона Беньяна «Странствие паломника». В «Страннике» воплотилась духовная жажда поэта и одновременно чувство одиночества среди современников, которые он испытал в те годы...

В канун Нового года Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему издавать свой собственный литературный журнал, наподобие английских трехмесячных «Reviews». Поэт писал:

«Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Reviews доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые».

Журналом этим стал «Современник».

В начале января Пушкин получил разрешение издавать ежеквартальный журнал под предварительной цензурой. Этим уничтожались все те привилегии, которыми поэт пользовался с 1826, когда Николай I объявил, что будет его личным цензором. Цензором «Современника» назначили одного из самых осторожных, трусливых и вьедливых сотрудников Цензурного комитета. Начиналась травля поэта придворной бюрократией. Измученный постоянным контролем со стороны императора и Бенкендорфа, Пушкин находился на грани срыва. У него одна за другой происходят три преддвуэльных истории, чего не случалось со времен юности.

29 марта умерла мать поэта — Надежда Осиповна. Гроб с ее телом Пушкин отвез в Михайловское. Ее похоронили в Святогорском Успенском монастыре. Тогда же рядом с ее могилой Пушкин назначил место и для себя, сделав вклад в монастырскую казну. Пушкин мудро отстоял последнюю, посмертную свободу, чтобы не быть похороненным в камер-юнкерском мундире на тесном столичном кладбище.

Месяц спустя Пушкин прибыл в Москву. Главной целью поездки была работа в архивах Коллегии иностранных дел и вопросы, связанные с изданием «Современника». Директор Московского архива А.Ф. Малиновский помог Пушкину получить доступ к документам петровской эпохи.

В начале апреля вышел первый том «Современника».

Журнальные дела пробуждали в поэте самые мрачные мысли. Он делился с Натальей Николаевной:

«Недаром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это все равно что золотарство... очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции».

19 мая Пушкин читал у Нащокина свою драму «Русалка». Это был последний вечер, проведенный им в Москве. 23 мая Пушкин вернулся в Петербург. Возвращение домой совпало с радостным событием: жена родила ему дочь Наталью.

В Петербурге продолжалась работа по подготовке второго тома «Современника». Поэт остался им доволен.

При жизни поэта вышли четыре номера журнала.

Осенью явно наметился поворот читательских симпатий к журналу. Пушкинский «Современник» стал эпохой в истории русской литературы. В нем были опубликованы многие произведения лучших русских писателей: повести Н.В. Гоголя «Нос» и «Коляска», новые стихи В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского, Н.М. Языкова, состоялся поэтический дебют Ф.И. Тютчева.

Но главное место занимали произведения самого Пушкина. Поэт напечатал в журнале стихотворения «Пир Петра Великого», «Полководец», «Перед гробницею святой...», «Из Шенье», притчу «Сапожник», отрывок «Родословная моего героя», «маленькую трагедию» «Скупой рыцарь», а из прозы — «Капитанскую дочку», «Путешествие в Арзрум», «Отрывок из записок дамы» и «Анекдоты».

По возвращении из Москвы Пушкин сразу же поселяется с семьей на даче на Каменном острове. От всех приглашений он отказывается под предлогом траура. Исключения делались лишь для ближайших друзей. В двадцатых числах июля Пушкин завершил черновой вариант «Капитанской дочки». П.А. Корсаков, один из самых просвещенных и достойных цензоров, с восхищением писал Пушкину о его романе:

«С каким наслаждением я прочел его! или нет, не просто прочел — проглотил его! Нетерпеливо жду последующих глав».

Роман был тут же подписан к печати.

На Каменном острове — в летние месяцы 1836 — Пушкин создал замечательный лирический цикл стихотворений. В него вошли стихотворения «Из Пиндемонти», «Мирская власть», а также «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — одна из лучших в мировой литературе вариаций на тему Горация «Ehægi monumentum».

Вернувшись с дачи, Пушкин вместе с семьей поселился в доме княгини С.Н. Волконской (Мойка, 12). Эта квартира стала последней в его жизни.

19 октября Пушкин написал свое знаменитое письмо П.Я. Чаадаеву. Оно стало ответом на «Философическое письмо», опубликованное в сентябрьском журнале «Телескоп». Произведение это было первой в России попыткой создать религиозную философию истории. Главную причину русских бед Чаадаев видел в том, что судьба народа складывалась в стороне от путей исторического развития христианской Европы, духовным фундаментом которой был католицизм. Чаадаев писал:

«Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя».

Письмо Чаадаева произвело настоящую бурю. «Телескоп» тут же закрыли.

«Прочитав статью, — отметил Николай I, — нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного».

Это выражение царя стало основанием для объявления Чаадаева сумасшедшим и установления над ним медико-полицейского надзора.

Общество осталось глухим и враждебным к письму Чаадаева, не услышав в нем вопль о России.

Единственным человеком среди современников, сумевшим понять Чаадаева, был Пушкин, хотя и не разделявший многие взгляды друга. Говоря об особом предназначении России, Пушкин писал:

«Нет сомнения, что схизма¹ отъединила нас от остальной Европы. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

В первые месяцы 1836 в петербургском обществе обратили внимание на слишком настойчивое, нарочитое ухаживание кавалергардского поручика Ж. Дантеса за Натальей Николаевной. В январе Дантес писал усыновившему его Геккерну, голландскому посланнику в Петербурге:

«Я безумно влюблен! Да, безумно, так как я не знаю, как быть, я тебе ее не назову, потому что письмо может затеряться, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге и ты будешь знать ее имя».

¹ разделение церквей

По всей вероятности, Наталья Николаевна не придавала серьезного значения притязаниям Дантеса. Эти ухаживания вызывали беспокойство и раздражение Пушкина, но тогда они не выходили за грань светских приличий.

С августа Дантес, полк которого стоял в Новой Деревне, рядом с дачей на Каменном острове, мог видеть Наталью Николаевну чаще. Он становился все более бесцеремонным. Вскоре Пушкины перестали принимать его у себя дома. Дантес заболел, и тогда активное «участие в печали» своего приемного сына принял барон Геккерн. Он выступил в неблагоприятной роли сводника и интригана.

2 ноября интрига против жены Пушкина приняла новый оборот. Знакомая Пушкиных Идалия Полетика пригласила Наталью Николаевну к себе в гости. Когда та приехала на квартиру, то вместо хозяйки она обнаружила там Дантеса; он упал перед ней на колени, молил пожалеть его, угрожал в случае отказа застрелиться. Наталья Николаевна, решительно отказав Дантесу, тут же уехала.

Через два дня письмоносец принес Пушкину анонимное письмо:

«Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев... единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена...»

Письма такого же содержания для передачи их Пушкину получили несколько друзей и знакомых поэта. Состоялось объяснение Пушкина с Натальей Николаевной, и та рассказала ему все, что прежде боялась открыть, зная характер мужа: и о признаниях Дантеса, и о ловушке на квартире у Полетики, и о преследованиях и угрозах со стороны Геккерна.

Теперь Пушкину нетрудно было догадаться, откуда исходит замысел мерзкого пасквиля, о чем он сообщал в письме Бенкендорфу. Но столь «внимательные» к малейшему передвижению поэта царь и шеф жандармов проявили постыдное равнодушие к его судьбе.

Вечером 4 ноября Пушкин отправил Дантесу письмо с вызовом на дуэль. Оно попало в руки Геккерна-старшего. Вызов напугал Геккерна. Дуэль означала бы и для него, и для Дантеса конец карьеры в России. Побывав у Пушкина на Мойке, Геккерн со слезами на глазах, умело разыгрывая роль страдающего отца, сумел добиться отсрочки сначала на сутки, а потом на две недели.

Наталья Николаевна известила о случившемся самого близкого и надежного друга Пушкина — В.А. Жуковского, который жил в Царском Селе. Жуковский тут же приехал в Петербург и занялся примирением Пушкина с Дантесом. Но беда заключалась в том, что Жуковский не знал предыстории вызова, так как поэт даже ближайшему другу не захотел открывать тайны семейной жизни. Опытный дипломат, Геккерн смог убедить доверчивого и добросердечного Жуковского, что его приемный сын якобы давно влюблен в сестру жены Пушкина Екатерину и просит согласия на брак с ней. То, что услышал Жуковский, было для него неожиданностью. Он полагал, что Пушкин, узнав все это, тут же пойдет на примирение, и очень удивился, увидев ярость друга.

Геккерн наносит визит Е.И. Загряжской, ближайшей родственнице Екатерины Гончаровой, и сообщает что дал согласие на брак сына, но предложение тот может сделать только после отказа Пушкина от дуэли.

Человек расчетливый, Дантес опасался возможных последствий поединка: краха карьеры в случае дуэли или позора в глазах общества в случае прямого отказа от нее.

Для Пушкина речь шла о защите своей чести и чести жены. Поэтому он отказался от примирения и просил В.А. Сологуба быть его секундантом. Пушкин намеревался разгласить в свете то обстоятельство что Дантес принял решение о сватовстве уже после вызова на дуэль, с тем чтобы избежать ее.

Желание Пушкина ослабить Дантеса трусом, рассказав о своем вызове, который по просьбе Геккерна сохранялся в тайне, не на шутку встревожило Жуковского. Он, как человек, ведущий переговоры, чувствовал себя ответственным и перед Геккернами.

В случае разглашения обстоятельств вызова роль Жуковского могла показаться весьма двусмысленной.

Жуковскому все же удалось убедить Пушкина отказаться от вызова. Поэт послал Геккерну письмо, где мотивировал свой отказ тем, что до него дошел слух о намерении Дантеса просить руки Екатерины Гончаровой.

Но такую формулировку Геккерны сочли неудовлетворительной, поскольку она как раз открывала суть всей истории.

Дантес потребовал дополнительных объяснений. Он уполномочил атташе французского посольства виконта д'Аршиака явиться к Пушкину в качестве своего секунданта с письмом. Письмо привело Пушкина в ярость. Поэт сказал д'Аршиаку, что завтра пришлет к Дантесу своего секунданта.

17 ноября В.А. Соллогуб и д'Аршиак в присутствии Дантеса договорились об условиях дуэли. Она должна была состояться 21 числа в 8 часов утра на Парголово́вской дороге. Тем не менее секунданты пытались найти способ примирения. Пушкину предлагалось словесно признать, что он не приписывает решение Дантеса о браке соображениям, недостойным благородного человека, то есть стремлению уклониться от дуэли. Секунданты ручались, что, как только Пушкин откажется от вызова, Дантес тут же будет просить руки Екатерины Гончаровой.

Пушкин явил благородство и великодушие. То, что его просили признать лишь устно, он подтвердил письмом. Вечером на балу у С.В. Салтыкова была объявлена свадьба, но Пушкин Дантесу не кланялся. И снова дуэль удалось предотвратить. Те, кто хорошо знал всю историю, были уверены, что Дантес своим сватовством к сестре Н.Н. Пушкиной теперь скомпрометирует себя в глазах общества.

Но все получилось наоборот. Из уст в уста передавался слух, что якобы Дантес, благородный молодой человек, чтобы спасти от позора любимую женщину, пожертвовал собой.

Ничтожному вертопраху создавался романтический ореол страдальца.

Это был настоящий заговор против поэта. А 21 ноября произошло событие, оскорбившее поэта до глубины души. Барон Геккерн сам привез в дом Пушкина письмо, написанное Дантесом, где тот «отказывался от каких бы то ни было видов» на Наталью Николаевну. Это, по замыслу Геккернов, знаменовало собой официальный разрыв неких мнимых отношений, которые якобы «имели место быть». Доброе имя жены поэта снова пятналось грязными намеками.

В то же время Жуковский просит царя об аудиенции для Пушкина, и 23 ноября они встретились. Можно предполагать, что Николай I успокоил Пушкина, заверив в безупречности репутации Натальи Николаевны в глазах света, и обещал, что сам в случае необходимости займется делом. Царь взял с Пушкина слово не доводить вновь до дуэли.

На какое-то время могло показаться, что опасность миновала. Но после всех потрясений Пушкин, по свидетельству очевидцев, был в угнетенном и мрачном состоянии. И вместе с тем он продолжал напряженно трудиться. В конце ноября — декабре 1836 Пушкин готовит материалы по истории Петра, занимается исследованиями «Слова о полку Игореве», в четвертом номере журнала «Современник» была опубликована «Капитанская дочка». К тому времени Пушкин обрел всеевропейскую известность.

Дуэль. Смерть Поэта. 1837

В январе 1837 Пушкин готовил к печати пятый том «Современника». В нем он предполагал опубликовать свои прежде не изданные произведения, а также стихотворения Ф. Тютчева, сказку Н. Языкова, повесть В. Одоевского «Сильфида». Среди авторов выпуска были старые друзья Пушкина, такие известные поэты, как П. Вяземский, В. Жуковский, Е. Баратынский, Д. Давыдов. Но подготовить пятый номер «Современника» полностью Пушкин не успел.

В том же месяце вышло в свет третье издание «Евгения Онегина». Две тысячи экземпляров разошлись в три дня.

Десятого января состоялась свадьба Дантеса с Е.Н. Гончаровой. Друзья Пушкина успокоились, думая, что страсти улеглись. Между тем посланник, которому было досадно, что сын его женился так невыгодно, и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи.

Все попытки примирить Пушкина с Дантесом — и на свадебном пиру в честь новобрачных у графа Строганова 14 января, и на вечере у Вяземских на следующий день — закончились безрезультатно. Пушкин ясно дал понять, что, невзирая на родство, никаких отношений между его домом и Дантесом не будет.

Поведение Дантеса было по-прежнему вызывающим: он словно бы сам стремился дать обществу все больше поводов для сплетен и пересудов.

В январе Дантес так же подчеркнуто, как и до бракосочетания с Е.Н. Гончаровой, ухаживал за Натальей Николаевной.

Миф о благородном самопожертвовании молодого кавалергарда, спасающего любимую женщину от ревности безумца-мужа, созданный Геккернами, был подхвачен в свете, общество приняло сторону Дантеса. О семье поэта распространялись оскорбительные слухи.

Пушкин был в отчаянии. Он не мог перенести клеветы со стороны «светской черни», пятнающей имя его жены и его собственную честь

Каплей, переполнившей чашу терпения поэта, стало непристойное поведение Дантеса на балу у Воронцовых-Дашковых 23 января и на следующий день на приеме у князя П.И. Мещерского.

25 января Пушкин отправил Геккерну письмо. Обращаясь к голландскому посланнику, поэт писал:

«Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична... Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына... Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой и — еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто трус и подлец».

26 января Пушкин получил от Дантеса вызов. Без всякой отсрочки поединок был назначен на следующий день.

Секундантом Дантеса, как и в ноябре, стал д'Аршиак. Пушкин же поначалу обратился с просьбой об этой услуге к секретарю английского посольства Артуру Меджнису. Поэт хотел, чтобы причина дуэли — его письмо к Геккерну и неприглядное поведение голландского посланника — стала известна всему дипломатическому корпусу. Но Меджнис, видя, что примирения не будет, отказался от секундантства. Уже в день дуэли — 27 января Пушкин обратился с той же просьбой к случайно встретившемуся ему лицейскому приятелю К. Данзасу. Тот согласился. Во время встречи секунданты обсудили условия дуэли.

Драгаться Пушкин с Дантесом должны были в тот же день в 5-м часу пополудни за Черной речкой возле Комендантской дачи. Оружием выбраны пистолеты. Стреляться соперники должны были на расстоянии двадцати шагов, с тем чтобы каждый мог сделать пять шагов и подойти к барьеру; никому не было дано преимущества первого выстрела; каждый должен был сделать один выстрел, когда будет ему угодно, но в случае промаха с обеих сторон дело должно было начаться снова на тех же условиях.

Возвратившись к Пушкину, Данзас застал его дома, одного. Не прочитав даже условий, Пушкин согласился на все.

К Комендантской даче Пушкин и Дантес подъехали одновременно. Секунданты начали отыскивать место для поединка. Когда Данзас спросил Пушкина, находит ли он выбранное место удобным, Пушкин отвечал: «Мне это безразлично, только постарайтесь

сделать все возможно скорее». Наконец противникам подали пистолеты. Данзас дал знак, и Пушкин с Дантесом стали сходитьсь. Пушкин первым подошел к барьеру и начал наводить пистолет. Дантес выстрелил, не дойдя до барьера одного шага. Пушкин упал. Секунданты бросились к нему. Когда Дантес хотел сделать то же, Пушкин остановил его: «Подождите, у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел». Приподнявшись, Пушкин выстрелил. Пуля прошла мягкие ткани правой руки Дантеса, которой он прикрывал грудь, и попала в оловянную пуговицу на подтяжке. Это и спасло Дантеса. Раненый, он упал. Пушкин крикнул: «Браво!» и подбросил пистолет вверх. Между тем из его собственной раны сильно лилась кровь. Пуля раздробила кость правой ноги и глубоко вошла в живот. Его уложили в сани и довели до дороги, где стояла карета, на всякий случай присланная Геккерном.

Не сказав Пушкину, чья карета, Данзас посадил в нее поэта и повез на квартиру на Мойку. Дома старый камердинер поэта Никита Козлов взял его на руки. «Грустно тебе нести меня?» – спросил у него Пушкин.

Увидя жену, Пушкин начал ее успокаивать, говоря, что рана его вовсе не опасна, и попросил уйти, прибавив, что, как только его уложат в постель, он сейчас же позовет ее.

Вскоре прибыли врачи: Шольц, Задлер, лейб-медик Н. Арендт, Солломон, В. Даль, домашний доктор Пушкиных Спасский. Отвечая на вопросы Пушкина, доктора не скрывали, что рана его смертельна. Он и сам это чувствовал.

Говоря о жене, Пушкин заметил: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Вечером ему сделалось хуже. В продолжение ночи страдания Пушкина до того усилились, что он решил застрелиться. Однако подошедший Данзас успел взять у него пистолет, который тот уже спрятал под одеяло.

На следующее утро, 28 января, Пушкин исповедался и причастился. Тем временем принесли письмо от царя, где тот писал Пушкину:

«Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по-христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение».

Когда боли несколько уменьшились, Пушкин пожелал видеть жену и детей, чтобы с ними проститься.

Между тем Пушкину делалось все хуже и хуже, он слабел с каждым мгновением. Друзья его — Жуковский, князь Вяземский с женой, князь П.И. Мещерский, А.И. Тургенев, Е.И. Загряжская, Даль и Данзас были у него в кабинете.

До последнего вздоха Пушкин был в совершенной памяти, перед самой смертью он захотел, чтобы жена покормила его морозкой. Агония была почти мгновенна: потухающим взором обвел умирающий поэт шкапы своей библиотеки, чуть внятно прошептал: «Прощайте прощайте...» — и тихо уснул навсегда.

Тело Пушкина стояло в его квартире два дня, вход для всех был открыт. Проститься с Пушкиным пришли более десяти тысяч человек. В ночь с 30 на 31 января тело Пушкина отвезли в Придворно-Конюшенную церковь, где на другой день совершено было отпевание, на котором присутствовал весь Петербург.

Пушкин желал быть похороненным около своего имения в Псковской губернии, в Святогорском монастыре, где была похоронена его мать.

Вечером 1 февраля была панихида, и тело Пушкина повезли в Святогорский монастырь. Провожал его к месту упокоения А.И. Тургенев, когда-то способствовавший поступлению юного Пушкина в Лицей.

П.А. Вяземский писал в те скорбные дни:

«Собираем теперь, что каждый из нас видел и слышал... Пушкин принадлежит не одним ближним друзьям, но и Отечеству, и Истории».